

На правах рукописи

ГАБЕЛКО ОЛЕГ ЛЕОНИДОВИЧ

**АНАТОЛИЙСКОЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ КОЙНЕ
И ОСОБЕННОСТИ ЭЛЛИНИЗМА В МАЛОЙ АЗИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВИФИНСКОГО ЦАРСТВА)**

*Специальность 07. 00. 03 – Всеобщая история
(история древнего мира)*

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

КАЗАНЬ – 2006

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета ГОУВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Кошеленко Геннадий Андреевич (ИА РАН)

доктор исторических наук, профессор
Молев Евгений Александрович (ННГУ)

доктор исторических наук, профессор
Климов Олег Юрьевич (СПбАППО)

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 28 декабря 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Р.Г. Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение истории эллинизма относится сегодня к числу приоритетных тем в мировом антиковедении. Количество выходящих на Западе монографий (не говоря уже об отдельных статьях концептуального характера), посвященных самым различным аспектам истории эллинистического мира, исчисляется многими десятками. Хотя в отечественной науке о древности не существует такого обилия работ по данной проблематике, ее достижения в этой сфере также весьма весомы – особенно, пожалуй, в области теоретических изысканий о сущности, хронологических границах и историческом значении эллинизма. Тем не менее, история далеко не всех государств греко-восточного мира достаточно подробно и основательно освещена в историографии; это относится, прежде всего, к «малым» царствам Анатолии – таким, как Вифиния, Каппадокия, Галатия, а также Понтийское царство (до правления Митридата VI Евпатора, когда оно вышло на ведущие позиции в эллинистическом мире и, соответственно, стало привлекать самое пристальное внимание как древних, так и современных историков). С другой стороны, практически неразработанным в мировой науке представляется и вопрос о региональных особенностях развития эллинистической цивилизации, для рассмотрения которого богатейший материал опять-таки дает именно Малая Азия IV-I вв. до н.э. Исходя из этого, исследование, построенное на комбинировании углубленного анализа наиболее важных конкретно-исторических проблем, связанных с названными малоазийскими царствами, и концептуального осмысления специфики этих государств, рассматриваемой в «общеэллинистическом» ракурсе, приобретает несомненную научную актуальность.

Такой подход, однако, влечет за собой необходимость пояснить некоторые неизбежно возникающие спорные и неоднозначные моменты. Во-первых, задача освещения, анализа и интерпретации хотя бы основных, принципиально важных событий истории всех государств, существовавших на территории Малой Азии в эпоху эллинизма, оказывается едва ли осуществимой ввиду огромного объема и разнородности фактического материала. Гораздо более оправданной выглядит попытка выделить среди довольно многочисленных государственных объединений эллинистической Анатолии те, которые обладают чертами ярко выраженного типологического сходства между собой и одновременно имеют ряд существенных отличий от «типичных» эллинистических держав. Для названных выше малоазийских государств (за исключением Галатии) самой важной особенностью следует считать сохранение в них власти представителей местной аристократии иранско-анатолийского происхождения – факт достаточно очевидный, но, как кажется, не получивший пока еще в

мировом антиковедении адекватного истолкования. Именно это обстоятельство, определившееся в процессе становления анатолийских царств, имело разнообразные, многочисленные и значительные последствия, определившие в итоге весьма своеобразный историко-культурный облик малоазийских царств.

Во-вторых, возникает настоятельная потребность еще более сузить сферу исследования, уделив специальное внимание только наиболее важным, структурообразующим аспектам их истории, вместе с тем, в достаточной мере обеспеченным источниковым материалом. При ближайшем рассмотрении, таковыми должны считаться политическая история малоазийских царств (прежде всего – ее ранний период, связанный с процессом обретения ими политической независимости), а также их государственное устройство – особенности монархической формы правления и взаимоотношения центральной власти и греческих полисов. На стыке политической истории и государственной структуры возникает также феномен династической истории малоазийских монархий – широкий комплекс вопросов, связанных с генеалогией и хронологией того или иного правящего дома, его брачно-династической политикой, системой престолонаследия, атрибутикой монархической власти и религиозно-юридическими принципами ее легитимации, царской пропагандой и т.п. Анализ всех этих сюжетов занимает в диссертации немаловажное место.

Исходя из этого, объектом изучения в диссертационном исследовании предстает Малая Азия IV – I вв. до н.э., а предметом – государственное устройство, внешнеполитическая и династическая история эллинистических государств этого региона, в исторических судьбах которых наиболее отчетливо выступают черты глубокого и закономерного сходства.

Самым действенным средством, позволяющим провести адекватный анализ данного предмета, представляется введение нового термина – *анатолийское этнополитическое койне (АЭК)*, под которым понимается общность, состоящая из тесно связанных между собой в природно-географическом, этническом, политическом, социально-экономическом и – шире – цивилизационном планах государств северо-западной, северной и центральной Малой Азии: Вифинии, Пафлагонии, Понта, Каппадокии, отчасти – Галатии и Пергама. Именно в связи с АЭК в диссертации рассматриваются как теоретические, так и конкретно-исторические вопросы, наиболее актуальные для эллинистических монархий Малой Азии. С этим понятием напрямую связано и основное положение, выносимое на защиту: оно состоит в признании достаточно ярко выраженной исторической специфики государств, входивших в АЭК, на фоне «магистрального» пути развития государств эллинистического мира, что позволяет говорить о существовании особого малоазийского варианта эллинизма.

При этом нужно оговориться, что наиболее значительное место в диссертации занимает история Вифинского царства, рассматриваемая в новой системе координат исходя из концепции АЭК. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, эллинистическая Вифиния в течение долгого времени занимала совершенно периферийное место в мировом антиковедении, явно не соответствующее историческому значению этого государства. Только в монографии автора этих строк¹ Вифинское царство выступает как объект подробного, самостоятельного и целенаправленного исследования; тем не менее, отдельные положения даже этой совсем недавней работы нуждаются в некоторой корректировке в рамках данного диссертационного сочинения, исходя из необходимости органично «интегрировать» Вифинию в систему типологически и географически близких ей государств. Во-вторых, Вифинское царство являет собой яркий пример монархии, в которой соотношение греко-македонских и варварских (в данном случае – фрако-анатолийских) традиций в сферах государственности, социально-экономических отношений, культуры видится существенно иным, нежели в великих державах эллинистического мира, и уже поэтому Вифиния заслуживает пристального рассмотрения как в общеэллинистической, так и в более узкой анатолийской перспективе. Наконец, Вифиния – типичное (прежде всего, опять же, – именно для Малой Азии) государство «второго ранга», малая монархия, и потому присущие ей особенности (в первую очередь – в сферах государственного устройства и административного управления, ведения внешней политики) находят немало аналогий в истории других малоазийских царств. Тем самым на вифинском материале могут быть сформулированы некоторые выводы общего характера относительно роли и места малых монархий в эллинистическом мире. А подробное исследование политической истории Вифинии естественным образом позволяет уточнить немало спорных проблем, связанных с Пергамом, Понтом, Каппадокией, Галатией – то есть теми государствами, чьи отношения с Вифинским царством были наиболее прочными и интенсивными. Все это заставляет признать правомерной такую постановку вопроса, при которой во главу угла диссертации будет поставлена именно история эллинистической Вифинии.

Весьма желательным для заявленной темы было бы проведение подобного же анализа и относительно Каппадокийского царства, но этот материал слишком обширен и требует специального рассмотрения. Поэтому в данном диссертационном исследовании будет предпринято изучение только династической истории эллинистической Каппадокии в правле-

ние династии Ариартидов, построенное в основном по такой же схеме, которая была апробирована применительно к Вифинскому царству.

Цель и задачи исследования. Цель работы – выявить черты, характеризующие специфику малоазийского варианта эллинизма, и проследить динамику и сущность их формирования и развития в сферах политической истории и государственной организации монархий, входивших в АЭК.

Для достижения данной цели необходимо решить целый ряд задач:

1. Определить степень разработанности в мировом антиковедении проблематики, связанной с эллинистической Малой Азией, и охарактеризовать имеющиеся концептуальные подходы к ее освещению, связав их с основными тенденциями в развитии теоретического осмысления феномена эллинизма в целом.

2. Обосновать понятие анатолийского этнополитического койне (АЭК), и показать, как в рамках данной общности в IV – нач. III вв. до н.э. происходит вызревание явлений, характеризующих особенности последующего исторического развития малых монархий Анатолии.

3. Рассмотреть процесс образования независимых малоазийских государств с точки зрения их внешней политики и становления государственной системы, акцентируя внимание на типологически близких чертах.

4. Детально проанализировать политическую и династическую историю Вифинского царства и династическую историю эллинистической Каппадокии, дающих наиболее яркие и типичные примеры развития малых эллинистических монархий региона в кон. IV – I вв. до н.э., которые могут быть с той или иной степенью приближения экстраполированы на другие малоазийские царства, где также значительную роль играли иранско-анатолийские традиции.

5. Обратившись к анализу ряда проблем династической истории государств, входивших в АЭК, попытаться обнаружить общие для них политико-правовые институты, функционирование которых на протяжении IV – I вв. до н.э. в той или иной степени определяло своеобразие малоазийского варианта эллинизма.

Методологическая основа исследования определяется пониманием эллинизма как конкретно-исторического феномена, сущность которого состоит в основном во взаимодействии греко-македонских и местных (преимущественно восточных) начал во всех областях общественной жизни государств, возникших на территориях Балканского полуострова, Переднего и Среднего Востока после похода Александра Великого. Такой подход во многом связан с наиболее популярной в отечественном антиковедении концепцией эллинизма, сформулированной более полувека

¹ Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.

назад К.К. Зельиным², которая, разумеется, должна быть несколько модифицирована с учетом последующих теоретических новаций.

Данная диссертация (что вполне естественно для современных антиковедческих исследований) строится на методе комплексного анализа различных категорий источников – античной письменной традиции, данных эпиграфики, нумизматики, археологии, исторической географии, топонимики и ономастики, без чего адекватное воссоздание картины исторического прошлого попросту не представляется возможным. Немаловажное место в работе занимает сравнительно-исторический метод, который применяется при сопоставлении основных черт исторического развития государств АЭК с другими регионами Малой Азии.

Хронологические и географические рамки работы, исходя из сложности предмета исследования, не могут быть строго ограничены теми пределами, которые подразумеваются в названии диссертации. Прежде всего, для достижения цели исследования необходимо выявить предпосылки процессов, приведших к формированию малоазийского варианта эллинизма со всеми его специфическими особенностями. Это заставляет обратиться к рассмотрению отдельных моментов истории Малоазийского полуострова в доэллинистическое время – в первой половине IV и даже V в. до н.э., когда регион входил в состав Персидской империи Ахеменидов. С другой стороны, занимающие в диссертации весьма важное место проблемы хронологии, династического летосчисления, генеалогии различных правящих домов эллинистического мира должны рассматриваться на весьма протяженных временных интервалах, верхние границы которых иногда выходят за 30 г. до н.э. – традиционно определяемую дату окончания эпохи эллинизма.

Географические пределы работы в основном ограничены районами северо-западной, северной и центральной Малой Азии, где располагались государства, относимые к АЭК. Однако логика исследования нередко требует обращения к некоторым страницам истории других областей полуострова – в частности, Ликии и Карики, в сравнении и сопоставлении с которыми особенности АЭК выступают наиболее рельефно. Кроме того, крайне важная для темы диссертации информация может быть почерпнута из истории античных государств Северного Причерноморья, прежде всего – Боспорского царства, Херсонеса Таврического и Ольвии, чьи отношения с монархиями Малой Азии (особенно – Понтийским царством) были наиболее активными. Это обстоятельство побуждает поместить в

исследование несколько экскурсов, в которых затрагивается история северного побережья Понта Эвксинского.

Источниковая база исследования выглядит в целом такой же, как и для любого исследования по истории эллинизма (разумеется, с учетом некоторого регионального своеобразия). Это относится, в первую очередь, к произведениям античных авторов. К сожалению, до нас практически не дошли, сохранившись лишь в разрозненных отрывках, исторические труды, посвященные эллинистическим малоазийским государствам, хотя такие, безусловно, существовали («Вифиниака» Арриана Флавия, сочинения «историков деяний Митридата» и т.д.). Одним из образцов местной малоазийской исторической традиции служит произведение Мемнона «О Геракле» (I–II вв. н.э.), в котором освещены многие важнейшие события из истории Вифинии, Понта, Галатии.

История анатолийских монархий, уступающих по своему значению великим эллинистическим державам, не часто привлекала специальное внимание греческих и римских историков. Тем не менее, многие ее аспекты нашли свое отражение в трудах Полибия, Диодора, Ливия, Помпея Трога в сокращении Юстина. Незаменимыми источниками информации служат «География» Страбона (уроженца Понта, прекрасно знавшего малоазийский материал) и «Митридатовы войны» Аппиана. При рассмотрении различных проблем истории Малой Азии в IV–I вв. до н.э. в диссертации широко используются произведения Плутарха, Павсания, Дионисия Византийского, Афиней, Диона Кассия, Стефана Византийского, Георгия Синкелла, Корнелия Непота, Веллея Патеркула, Грания Лициниана, Светония Транквилла и целого ряда других авторов.

К сожалению, эпиграфические материалы эллинистического времени, документирующие историю малоазийских монархий, относительно немногочисленны (особенно в сравнении с надписями римского периода). Исключением здесь может считаться только Пергам³. В XX веке появляются ставшие впоследствии классическими сборники надписей⁴, где определенное место занимают и материалы, связанные с малоазийскими государствами. В последние десятилетия большая и плодотворная работа по публикации, систематизации и комментированию малоазийских надписей проводится немецкими эпиграфистами, издающими монографии в серии “*Inscriptionen griechischer Städte aus Kleinasien*” (в настоящее время увидело свет уже более 60 томов). Вновь обнаруженные надписи регулярно публикуются в периодических изданиях по античной эпиграфике:

³ Die Inschriften von Pergamon / Unter Mitw. v. F. Fabricius und C. Schuchhardt. Hrsg. v. M. Fränkel. I. Bis zum Ende der Königszeit. B., 1890.

⁴ Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905; Sylloge inscriptionum Graecarum // A. G. Dittenbergero condita et aucta. Vol. I–IV. Ed. 3. Lipsiae, 1915–1924; Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.

² Зельин К.К. Основные черты эллинизма // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 145–156; он же. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // Советская археология. 1955. Т. XXII. С. 99–108.

“Epigraphica Anatolica”, “Supplementum epigraphicum Graecum”, “Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik” и других. Наконец, немаловажное значение для тематики работы имеют некоторые эпиграфические материалы из государств Северного и Западного Причерноморья.

Чрезвычайно ценным источником являются монеты малоазийских монархий. Они несут обильную и разнообразную информацию о государственных институтах, династических культах, системах летосчисления тех или иных анатолийских царств. В изучении малоазийской нумизматики уже в XIX веке были достигнуты весьма значительные успехи⁵. Впоследствии были опубликованы солидные труды по монетам Вифинии⁶, Понта⁷, Каппадокии⁸. Преимущественно на нумизматическом материале строится одно из самых глубоких на сегодняшний день исследований политической истории региона во II–I вв. до н.э.⁹

Только вспомогательную роль в данном исследовании могут сыграть археологические материалы. Вифиния, Пафлагония, Понт и Каппадокия в археологическом отношении изучены явно недостаточно, но довольно важной категорией источников являются обнаруженные на территории этих областей надгробные памятники.

Наконец, последнюю группу источников образуют лингвистические данные – малоазийские топонимы и антропонимы, изучение которых порой помогает прояснить некоторые вопросы этнической и политической истории региона.

Степень изученности темы. При обращении к рассмотрению историографии эллинистической Малой Азии вырисовывается довольно противоречивая картина. С одной стороны, уже в XIX и начале XX вв. история отдельных государств региона получает освещение в работах общего характера¹⁰. Тогда же появляется и целый ряд монографических исследований, посвященных тем или иным малоазийским государствам: Перга-

му¹¹, Вифинии¹², Понту¹³, Галатии¹⁴; хотя многие из этих работ не оставили заметного следа в науке, но, так или иначе, исследовательское направление было заложено, и в прошлом – начале нынешнего века увидел свет целый ряд трудов, составивших достаточно основательную историографическую базу для любых изысканий в этой области¹⁵ (некоторые из них заслуженно обрели статус классических¹⁶). В то же время приходится констатировать, что, как уже отмечалось, до сих пор далеко не все государственные образования полуострова изучены в должной мере (это относится, прежде всего, к эллинистической Каппадокии, которой в мировом антиковедении не посвящено ни одной специальной книги), а теоре-

¹¹ Van Capelle A.C. Commentatio de regibus et antiquitatibus Pergamenis. Amsterdam, 1840; Thraemer E. Pergamos. Untersuchungen über Frühgeschichte Kleinasiens und Griechenlands. Leipzig, 1888; Ussing J. Pergamos. Seine Geschichte und Monumente. B., 1899; Cardinali G. Il regno di Pergamo. Roma, 1906.

¹² Nolte E. De rebus gestis Bithynorum usque ad Prusiam I mortem. Diss. Halle, 1861; Lauria G.A. La Bitinia. La Lidia. S.I., 1874; Клеоним М., Попадопуло Х. Вифиния. Историко-географический очерк. Одесса, 1886.

¹³ Volpert F. De regno Pontico eiusque principibus ad regem, usque Mithridatem VI. Münster, 1853; Meyer Ed. Geschichte des Königreichs Pontos. Leipzig, 1879; Reinach Th. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895.

¹⁴ Wiesel K. Die deutsche Nationalität der Kleinasiatichen Galater. Ein Beitrag zur Geschichte der Germanen, Kelten und Galater und ihrer Namen. Güterloch, 1877; idem. Zur Geschichte der Kleinasiatichen Galater und des deutschen Volks in der Urzeit. Greifswald, 1879; Stähelin F. Geschichte der Kleinasiatichen Galater. Leipzig, 1907.

¹⁵ Пергам: Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. Ithaca; New York, 1947; McShane R.B. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977; Allen R.A. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983; Вифиния: Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953; Hannestad L. “This Contributes in No Small Way to One’s Reputation”: The Bithynian Kings and Greek Culture // Aspects of Hellenistic Kingship / Studies in Hellenistic Civilization. Vol. V. Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg. Aarhus, 1996. P. 67–98; Понт: McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986; idem. The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // RhM. 1986. Bd. 129. Ht. 3–4. P. 248–259; Ballesteros Pastor L. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996; Strobel K. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten großen Monarchen der hellenistischen Welt // Orbis Terrarum. 1996. Bd. 2. S. 145–190; Галатия: Mitchell S. Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Vol. I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993; Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedanksschrift für Herrman Bengtson. München, 1991; idem. Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // AMS. Bd XII. Forschungen in Galatien / Ed. E. Schwertheim. Bonn, 1994. S. 29–65; idem. Keltensieg und Galatersieg // Ibid. S. 67–96; idem. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. B., 1996.

¹⁶ Прежде всего: Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxford, 1941; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Vol. I–II. Princeton, 1951.

⁵ Reinach Th. Numismatique ancienne: Trois royaumes de l’Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. P., 1888; Wroth W. Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphoros. L., 1889.

⁶ Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d’Asie Mineure. T. I. P., 1908.

⁷ Imhoof-Blumer F. Kleinasiatichen Münzen. Wien, 1902; Kleiner G. Pontische Reichsmünzen // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Istanbulische Abteilung. 1955. Bd. 6. S. 1–21.

⁸ Simonetta B. The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg, 1977.

⁹ Callataÿ F. de. L’Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997.

¹⁰ Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. I–III. М., 1890–1893; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. Bd. I–III. Gotha, 1893–1903 и целый ряд других.

тическая составляющая вопроса об исторической специфике анатолийских монархий и вовсе практически не разработана.

На сегодняшний день исследования, в которых с достаточной степенью подробности исследуется история эллинистических монархий Анатолии, могут быть разделены на три группы. К первой относятся работы монографической направленности – не только собственно монографии, но и основательные статьи концептуального плана, посвященные «отдельно взятым» государствам эллинистической Малой Азии (они были перечислены выше, в прим. 15); ко второй – те труды (преимущественно обобщающего характера), в которых данные государства рассматриваются как составная часть политических или социально-экономических структур эллинистического мира¹⁷ либо как объект римских завоеваний¹⁸. Наименее представительной выглядит третья группа, которую можно отнести к «региональному» направлению – то есть те исследования, в которых, наряду с анализом конкретно-исторических событий, систематизируются и обобщаются принципиально важные особенности малоазийских государств, определяющие их историческую специфику. Именно недостаточная проработанность этих вопросов, вероятно, породила довольно странную в историографическом плане ситуацию, когда одни и те же малоазийские государства именуются в различных исследованиях «варварскими» («полуварварскими») либо же, напротив, подобными (если не полностью тождественными) великим эллинистическим державам в отношении политико-административного и социально-экономического устройства.

На этом фоне наиболее интересными выглядят подходы американского историка Р.А. Биллоуза¹⁹ и немецкого антиковеда Й. Кобеса²⁰. Первый из них считает движущей силой, приведшей к образованию эллинистических государств в Малой Азии, македонский империализм и «династическое поведение», присущее македонскому обществу в эпоху Филиппа II, Александра Великого и диадохов; однако, уделяя особое внимание многочисленным мелким государственным образованиям Малой Азии, возглавляемым македонянами, он не пытается выявить особенности складывающихся монархий, руководимых представителями иранско-

анатолийской знати. Немецкий ученый совершенно обоснованно делает акцент на особенностях политико-правового положения «малых царей» региона. Он довольно подробно анализирует политическую историю и государственное устройство малоазийских государств, но, как представляется, понятие «династ», через призму которого он рассматривает деятельность и политический статус малоазийских правителей как македонского, так и азиатского происхождения, не может считаться вполне универсальным в силу своей недостаточной неопределенности с политико-юридической точки зрения. Кроме того, определение как верхней хронологической границы исследования 188 г. до н.э., года заключения Апамейского мира, само по себе вполне логичное, оставляет «за кадром» целый ряд важнейших эпизодов истории малоазийских государств, в которых наглядно проявляется азиатская составляющая их государственно-политической структуры. Все это наглядно показывает, что возможности изучения государств эллинистической Малой Азии еще далеко не исчерпаны.

В отечественной историографии Анатолия в эпоху эллинизма отнюдь не часто становилась объектом специальных работ. Лучше всего изученным можно считать Понтийское царство, продуктивно исследовавшееся Н.Ю. Ломоури²¹, Е.А. Молевым²², Ю. Сапрыкиным²³, Е.В. Смыковым²⁴ (хотя во многих работах российских исследователей приоритетное внимание по понятным причинам уделяется Северному Причерноморью в составе державы Митридата Евпатора – см., например, труды Д.Б. Шелова²⁵ и многих других специалистов). Нельзя не упомянуть также исследования О.Ю. Климова по истории Пергама²⁶. Ряд немаловажных проблем истории государств, относимых в диссертации к АЭК, рассматривается и в некоторых других работах²⁷, в том числе общего характера²⁸.

²¹ Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.

²² Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.

²³ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.

²⁴ Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.

²⁵ Шелов Д.Б. Махар – правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–72; он же. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 40–58; он же. Держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1982). Тбилиси, 1985. С. 551–572.

²⁶ Климов О.Ю. Царство Пергам. Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998, а также целый ряд более ранних его работ.

²⁷ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

²⁸ Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980; Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993.

¹⁷ Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. I–II. Nancy, 1982.

¹⁸ Liebmman-Frankfort T. La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine. Bruxelles, 1969; Bulin R. K. Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt-am-Main; Bern, 1983; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I–II. Berkeley; Los Angeles; London, 1984; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. I. L., 1984 и целый ряд других исследований.

¹⁹ Billows R. A. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995.

²⁰ Kobes J. “Kleine Könige”. Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr.). St. Katharinen, 1996.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в отечественном и зарубежном антиковедении сформулирована оригинальная концепция формирования и развития одного из важных территориальных вариантов эллинистической цивилизации и предлагается регионально-типологический подход к анализу эллинистического мира в целом, который может найти весьма широкое применение в будущих исследованиях. Кроме того, в диссертации предлагается целый ряд принципиально новых решений многих важных конкретно-исторических вопросов (атрибуция Зиэлу Вифинскому письма «неизвестного царя» совету и народу Коса, интерпретация данных «Хронографии» Георгия Синкелла, вопрос о понтийской царской эре, новая трактовка декрета в честь фанаторийских наемников и т.д.), последующая разработка которых способна стимулировать углубленный анализ ключевых проблем политической истории эллинистического мира.

Практическая значимость работы. Полученные в диссертации результаты могут быть использованы при написании общих и специальных курсов по истории древнего мира и, в особенности, периода эллинизма – как теоретической направленности, так и посвященных конкретным проблемам, в особенности связанным с малоазийскими государствами. Отдельные сюжеты, проанализированные в диссертации, должны оказаться полезными при создании научных и методических работ по специальным историческим дисциплинам – генеалогии и хронологии античности.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Основные положения работы нашли свое отражение в публикациях – монографии, учебном пособии, ряде статей и тезисов докладов на всероссийских и международных научных конференциях:

- на VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV Сергеевских чтениях в МГУ (Москва, 1991, 1993, 1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005 гг.);
- на конференциях Российской ассоциации антиковедов в ИВИ РАН (Москва, 1991, 1992, 1993, 1995, 1997, 1998, 2000, 2003 гг.);
- на III, IV, VI, VII Жебелевских чтениях в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2001, 2002, 2004, 2005 гг.);
- на научных конференциях «Античный мир и варварская периферия» (2000) и «Проблемы античной истории и классической филологии: политика и литература» (2001) в Саратовском государственном университете;
- на научных конференциях, посвященных юбилеям научного кружка «Античный понедельник» в Казанском государственном университете (1991, 2001, 2006 гг.);

– на международной научной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (Москва, 2004 г.);

– на международной научной конференции «Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников» (Санкт-Петербург, 2004 г.);

– на V Международной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, 2004 г.);

– на научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ф.М. Нечая (Минск, 2005 г.);

– на VII (1996, Констанца) и IX (2004, Кишинев) Международных конгрессах по фракологии;

– на I (1997, Варна) и II (2001, Анкара) Международных Понтийских конгрессах;

– на VIII и IX Международных коллоквиумах по исторической географии древнего мира (Штутгарт, 2001 и 2004 гг.);

– на курсах повышения квалификации «Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и классической археологии» в ИВИ РАН (Москва, 2006 г.);

– на Первой международной научной конференции Каппадокийской высшей школы по сотрудничеству в сфере образования и регионального развития (Мустафапаша, Турция, 2006 г.).

Отдельные положения диссертации были представлены также в докладах на заседаниях научного кружка «Античный понедельник» (1999-2006 гг.) и прошли апробацию в ходе чтения специального курса «Особенности историко-культурного развития малых эллинистических монархий» на кафедре истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета (2001-2006).

Структура диссертации. Диссертационное сочинение состоит из введения, шести глав (в главах с первой по пятую содержится по два параграфа, в шестой – четыре), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложения, содержащего генеалогические таблицы вифинского и каппадокийского царских домов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование темы исследования, объясняется ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, обозначается ее методологическая основа, доказывается целесообразность предлагаемой структуры диссертации. Здесь же вводится и предварительно аргументируется понятие анатолийского этнополитического койне, имеющее первостепенное значение для

концептуального содержания диссертации. Во введении дана также частичная характеристика источниковой базы исследования (она была изложена выше).

Первая глава диссертации, названная «Феномен эллинистической Малой Азии: попытки теоретического осмысления», содержит постановку наиболее принципиальных для темы диссертации вопросов. В *параграфе 1, «Эллинистическая Малая Азия в мировой историографии»,* произведен анализ некоторых аспектов наиболее авторитетных в современном западном и отечественном антиковедении концепций эллинизма (естественно, с особым акцентированием внимания на литературе, посвященной Малой Азии; в автореферате последняя частично охарактеризована выше, в разделе «Степень изученности темы»).

В этой части работы формулируется тезис о перспективности применения к эллинистическому миру регионально-типологического подхода, причем за основу для выделения тех или иных вариантов развития эллинистической цивилизации предлагается брать, помимо самоочевидного географического критерия, особенности синтеза греческих и восточных элементов и их пропорционального соотношения (подобно тому, как различные варианты взаимодействия античных и варварских начал были систематизированы в концепции феодального синтеза, остающейся наиболее авторитетной в отечественной медиевистике²⁹). В этом случае, исходя из особенностей своего исторического развития, значительная часть государств Малой Азии должна быть отнесена к зоне уравновешенного синтеза: здесь при отсутствии (или кратковременности) македонского завоевания и сохранении господства местной иранско-малоазийской аристократии восприятие элементов македонской государственности и греческой культуры носило активный, но избирательный характер, во многом регулируясь политикой правящих династий (такие подходы в историографии уже намечены, но еще не получили своего логического продолжения).

В этом параграфе указывается на необходимость выявления предпосылок, приведших к формированию особенностей малоазийского варианта эллинизма и складывавшихся еще в период персидского господства. В данном плане особое значение имеют работы французского ученого П. Бриана, подчеркивающего преемственность некоторых институтов империи Ахеменидов и эллинистических монархий. Весьма удачным, в частности, выглядит введенное им понятие «этно-класс»³⁰, которое явля-

ется одним из ключевых для понимания сущности социально-политических структур эллинистического мира. Если в большинстве государств, образовавшихся после распада империи Александра, осуществлялась практически полная смена иранского этно-класса греко-македонским, то в анализируемых государствах Малой Азии этого не произошло, что, очевидно, во многом определяет их своеобразие.

Исходя из необходимости анализа другого важного теоретического вопроса – относительно хронологических границ эллинизма, в данном параграфе рассмотрена концепция о существовании «предэллинизма» – явления, также характеризующегося синтезом греческих и варварских элементов, но возникающего в различных районах ойкумены значительно раньше похода Александра. Здесь подвергаются критике идеи о предэллинизме на Боспоре и Сицилии (государственность которых должна рассматриваться в рамках греческой тирании) и во Фракии (эллинизация которой как в IV в. до н.э., так и в последующие столетия была явно недостаточна для того, чтобы говорить об интенсивном взаимодействии греческих и фракийских начал). Особое же внимание уделяется сравнению основных черт развития государств АЭК с другим районом малоазийского полуострова – южным и юго-западным участками его побережья, Ликией и Карией (последняя нередко считается одним из ярких примеров предэллинизма). Эти области издавна были районом интенсивного взаимодействия местных малоазийских, иранских и греческих традиций, причем наиболее активно их синтез происходил, пожалуй, именно в сфере государственной организации. В Кarii с нач. IV в. до н.э. правила местная династия Гекатомнидов, лишь номинально зависимая от персов, а местные городские общины постепенно трансформировались в греческие полисы. В различных городах Ликии на протяжении V–IV вв. до н.э. власть находилась в руках значительного количества местных династов, в немалой степени подверженных как эллинским, так и персидским политико-культурным воздействиям. Тем не менее, в начале эпохи эллинизма, уже практически с походом Александра Македонского, эти области быстро лишаются своей исторической специфики: правление автохтонных династий прекращается, политическая самостоятельность теряется, у их населения в значительной мере утрачивается даже этническая идентичность³¹. О каких-то принципиальных особенностях развития этого региона в собственно эллинистическое время говорить, пожалуй, не приходится – в отличие от государств АЭК, эллинизация которых началась существенно

²⁹ Удалцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.

³⁰ Briant P. Ethno-classe dominante et populations soumises: le cas de l'Égypte // Achaemenid History. Vol. III. Method and Theory / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg et A. Kuhrt. Leiden, 1988. P. 137–173.

³¹ Круглов Е.А. Юго-западная Анатолия в протоэллинистический период (этно-политический аспект). Уфа, 1998. С. 64–65; Keen A. Dynastic Lycia. A Political History of the Lycians and their Relations with Foreign Powers c. 545–362 BC. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 175.

позже, но в самый благоприятный момент для осуществления продуктивного межкультурного синтеза. Поэтому более перспективным представляется рассматривать основные моменты истории Малой Азии в IV в. до н.э., не прибегая к понятию «предэллинизм», а как частный вариант политико-культурного взаимодействия греческого и восточного миров в пределах достаточно обширной контактной зоны³², тоже не представлявшей собой единого целого.

Параграф 2, «Анатолийское этнополитическое койне (АЭК) и его роль в становлении малоазийского варианта эллинизма», занимает центральное место в формулировке концепции диссертационного исследования. Именно в нем детально обосновывается понятие АЭК, к которому отнесена группа наименее эллинизированных в IV в. до н.э. областей северо-западной, северной и центральной Анатолии, тесно связанных между собой – Вифиния, Пафлагония, Понтийская и Великая Каппадокия. В некоторых отношениях в АЭК могут быть включены Пергам и Галатия – в первую очередь, из соображений географического порядка, а также исходя из наибольшей интенсивности их военных, политических и дипломатических контактов именно с названными выше государствами (хотя Пергам довольно быстро становится в культурном и политическом отношении типичным эллинистическим государством, а Галатия, напротив, на всем протяжении периода эллинизма довольно слабо проявляла восприимчивость к греческому культурному воздействию). Представители азиатской знати, возглавлявшие племенные объединения северной и центральной Малой Азии, которые в IV в. до н.э. еще не достигли стадии оформления государственности, нередко могли быть связаны между собой узами родства, о чем свидетельствует, например, генеалогия каппадокийских царей в передаче Диодора (XXXI. 19. 1–9) или информация Непота о происхождении Датама (Nep. Dat. 1).

Для выяснения предпосылок формирования АЭК в этом параграфе рассматриваются некоторые особенности системы персидского политико-административного управления в Малой Азии V–IV вв. до н.э. Ахеменидские монархии и их сатрапы обычно не шли на грубое вмешательство в жизнь покоренных народов, ограничиваясь сбором дани и поддержанием политической лояльности с их стороны. Как свидетельствуют археологические материалы из Сард, отдельные представители местной элиты могли входить в состав персидской администрации³³; есть основания предполагать наличие определенных контактов между персами и представителями вифинской и пафлагонской аристократии. Целый ряд районов полу-

острова вообще находился вне сферы управления сатрапов, и местные правители *de facto* были независимы от Ахеменидов (которые часто и не стремились добиться контроля над удаленными и малозначительными областями). Поэтому можно констатировать, что между ахеменидской администрацией и верхами анатолийской знати в IV в. до н.э. функционировала система отношений, в целом устраивавшая обе стороны.

Ситуация кардинально изменилась с началом похода Александра. Признавая особое значение македонского империализма для складывания в раннеэллинистической Анатолии новой политической системы, следует провести четкое разграничение между «династическим поведением», по терминологии Р.А. Биллоуза (см. выше), диадохов и македонских правителей в Малой Азии кон. IV – нач. III в. до н.э. с одной стороны, и анатолийских династов – с другой. Именно державные амбиции македонских завоевателей, начиная с Александра, вызвали к жизни как ответную реакцию организованное военное сопротивление и быструю политическую консолидацию местных племенных объединений, в относительно короткий срок вышедших на уровень достижения собственной государственности. Политика диадохов по отношению к местным племенным объединениям носила много более жесткий характер, нежели действия ахеменидских сатрапов, и была направлена на их прямое подчинение. Политические контакты между Антигоном, Лисимахом, Селевком и представителями анатолийской элиты были крайне редкими и носили неравноправный характер, что практически не оставляло последним иного выбора, кроме вооруженной борьбы. При этом необходимо отметить, что именно местные государственные объединения Малой Азии оказались наиболее значительными и долговечными – вероятно, ввиду более глубокой «укорененности» их государственно-административных и социально-экономических структур в местной анатолийской среде.

Конечно, невозможно предполагать, что правители складывавшихся государств АЭК целенаправленно координировали между собой действия по созданию «единого фронта» борьбы с македонскими завоевателями; однако (принимая во внимание отрывочность наших источников) пока не известно ни одного факта военных столкновений между анатолийскими династами в кон. IV – нач. III вв. до н.э. Напротив, примеры совместных (или, по крайней мере, однонаправленных) действий составлявших АЭК объединений против македонян и греков довольно многочисленны: борьба Зипойта Вифинского и Митридата I Понтийского против гераклеотов³⁴, вооруженная помощь Ариарату II Каппадокийскому со стороны царя Армении Ардоата (Оронта) (Diod. XXXI. 19. 4), участие Никомеда I Ви-

³² Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età Achemenide. Bologna, 1983. P. 15–82.

³³ Dusinger E.R.M. Aspects of Empire in Achaemenid Sardis. Cambridge, 2003. P. 198.

³⁴ Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 84; 142. Not. 29.

финского, Митридата I Понтийского, возможно, пафлагонских вождей и Ариарамна Каппадокийского в антиселевкидской Северной лиге (Memn. F. 7. 2; 9. 3) и др. Не случайным выглядит и то, что именно к Северной лиге присоединились галаты в 278 г. до н.э., тогда как Селевкиды и Пергам в течение долгого времени оставались их врагами.

Понятно, что представители анатолийского этно-класса для легитимации своего статуса опирались в первую очередь на местные политико-правовые институты, традиции и пропагандистские установки. Их власть, в отличие от власти диадохов, а затем Птолемеев и Селевкидов, носила не персональный, а «национальный» характер – в большей степени в Вифинии, но отчасти и в этнически менее однородных Каппадокии и Понте (где важную роль играли иранские устои). Вместе с тем, местные правители, стремясь поставить себя на один уровень с македонскими владыками, воспринимали важные элементы их монархической власти: царские титулы, династические эры, градостроительную политику и т.д. Общность политико-правового пространства, в котором действовали правители государств АЭК, породила на протяжении всей эллинистической эпохи нередкие случаи утверждения на престоле в некоторых из них представителей династий из соседних царств: сыновей Митридата VI Евпатора и Никомеда III Вифинского в Пафлагонии (Just. XXXVII. 4. 4–8), другого сына Евпатора под именем Ариарата IX – в Каппадокии (Just. XXXVIII. 1. 10; App. Mithr. 10). Еще одной типичной чертой государственности АЭК может считаться широкое распространение здесь практики завещаний царства другим державам: последние цари Пергама и Вифинии передали свои государства Риму, а Пафлагония после гибели ее царя Пилемена была завещана Митридату V Понтийскому.

Географическое положение АЭК естественным образом придавало особо важное значение контактам входивших в него царств с другими государственными объединениями из сопредельных регионов – Арменией, Боспорским царством и др., что проявлялось не только в установлении политических и экономических связей, но и во взаимной филиации некоторых политико-правовых институтов. Так, не исключено, что боспорский правитель Спарток III принял царский титул по примеру Зипойта Вифинского вскоре после него. Явлением того же порядка следует считать переход под власть Митридата Евпатора Боспорского царства и Колхиды в соответствии с завещаниями их правителей. Что же касается взаимоотношений с македонянами (сначала – диадохами, а потом – в первую очередь с Селевкидами), то последние, исходя в основном из конкретных особенностей военно-политической ситуации и нуждаясь в союзниках, могли признавать малоазийских правителей первоначально в результате установления с ними дипломатических отношений и заключения различного рода соглашений (см., например, о Вифинии: Diod. XIX.

60. 3; Memn. F. 10), а затем – посредством заключения с ними брачно-династических альянсов (данный сюжет наиболее подробно анализируется во втором параграфе VI главы диссертации).

Вторая глава, «Вифиния на рубеже классической и эллинистической эпох», охватывает продолжительный временной интервал, на протяжении которого произошло качественное изменение характера исторического развития Вифинии.

В начале *первого параграфа «Вифиния в составе державы Ахеменидов»* дано краткое описание природно-географических условий северо-западной Малой Азии, куда на рубеже II и I тыс. до н.э. переселились родственные фракийские племена вифинов и финов, а также приводится сжатый очерк этнической истории Вифинии. Эта область была довольно богата разнообразными природными ресурсами и занимала выгодное географическое положение, но вплоть до VI в. до н.э. находилась в стороне от основных событий истории Эгеиды и Анатолии.

После подчинения персам Вифиния была включена в третью сатрапию Ахеменидов (Herod. III. 90). В ходе греко-персидских войн она служила базой для строительства персидского флота (Diod. XI. 2. 1), и в 480 г. до н.э. вифинские отряды вошли в состав войска Ксеркса (Herod. VII. 75). Этим исчерпываются свидетельства о зависимости вифинцев от Ахеменидов; в последней трети V в. до н.э. в Вифинии устанавливается власть местной династии (Memn. F. 12. 2–5), а в дальнейшем ее население часто воевало с персидскими сатрапами (Xen. Hell. III. 2. 2).

Гораздо большее значение для вифинцев имели отношения с расположенными на побережье их страны эллинскими колониями – Астакон, Калхедон, Гераклея Понтийской, а также Византием. Они носили по большей части недружественный характер. В источниках зафиксированы сведения об угрозе, исходившей от вифинцев Астакон, об их воинственности и враждебности к эллинам. В 416 г. до н.э. эта напряженность вылилась в крупный конфликт вифинцев с заключившими между собой союз византийцами и калхедонянами, в ходе которого греки нанесли противнику тяжелое поражение и опустошили его земли (Diod. XII. 82. 2). Вероятно, именно после этих событий гражданам Византии удалось закрепить за собой некоторые вифинские территории и обратить в своеобразную форму коллективной зависимости их население (Phylarch. ap. Athen. VI. 271 c). Помимо того, в 400 и 399 гг. до н.э. вифинские племена серьезно пострадали от действий Десяти тысяч (нападения которых они пытались отражать совместно с персами) и спартанской военной экспедиции под руководством Деркилида.

Все эти обстоятельства породили значительную степень изоляции ослабленной и малозначительной в военно-политическом и экономическом отношениях Вифинии от других районов ойкумены. Страна разви-

валась преимущественно на основе глубоко укоренившихся местных фрако-анатолийских этнических и культурных устоев и связанного с ними хозяйственного уклада, будучи маловосприимчивой равным образом к иранскому и греческому влиянию. Сведения о пребывании вифинцев вне пределов областей своего исконного проживания для IV в. до н.э. единичны, а для более раннего времени отсутствуют вообще.

Положение стало меняться в правление вифинского династа Баса (378–328 гг. до н.э.), когда вифинцы, вероятно, вновь стали угрожать Астаку (Polyaen. II 30) и Калхедону (Aen. Tact. 12; Ps.-Arist. Oikonom. II. 10; Par. Oxy. 303). Очевидно, Басу удалось добиться определенной политической консолидации своего государства, что даже позволило ему вскоре с успехом отразить нападение сатрапа Александра Македонского (Memn. F. 12. 4).

Параграф второй, «Зипойт I и диадохи», посвящен анализу деятельности сына и наследника Баса Зипойта. Борьба за раздел империи Александра между диадохами дала ему шанс усилить нажим на греков побережья южного Понта и Пропонтиды. Он продолжил политику отца, попытавшись подчинить в 315 г. до н.э. Калхедон и Астак, но этот план его был сорван вмешательством Антигона Монофталма, навязавшим династу Вифинии союз, который значительно ограничил его внешнеполитическую активность (Diod. XIX. 60. 3).

После гибели Антигона в битве при Ипсе (301 г. до н.э.) основным противником Зипойта стал Лисимах, против которого вифинский правитель вел упорную и в целом успешную борьбу. По сообщению Мемнона, Зипойт разбил двух полководцев Лисимаха, а затем и его самого (F. 12. 5), что, очевидно, дало ему основания провозгласить себя царем в 297 г. до н.э. (дата определена по отсчету лет вифинской царской эры на монетах II в. до н.э.). Зипойту удалось также нанести тяжелое поражение калхедонянам (Plut. Quaest. Gr. 49) и, видимо, захватить Астак (впоследствии, правда, отбитый и разрушенный Лисимахом) (Strabo. XII. 4. 2). В начале III в. до н.э. вифинский царь развернул агрессию против Гераклеи; воспользовавшись ослаблением этого полиса в период господства Лисимаха, он отторг большую часть гераклеийской хоры и даже серьезно угрожал самому городу (Memn. F. 6. 3). Зипойт был заинтересован в крушении державы Лисимаха, но, тем не менее, не выступил в сражении при Корупедионе (281 г. до н.э.) на стороне его соперника Селевка Никатора. К такому выводу позволяет прийти комплексный анализ надгробного памятника вифинского офицера Мена, который на основании упоминания в тексте эпитафии «битвы при Корупедионе в долине реки Фригий» часто считают свидетельством участия вифинцев в сражении, завершившемся гибелью Лисимаха. Однако данные палеографии, языка и характера рельефа позволяют датировать памятник концом III – началом II в. до н.э. и

связать его появление с боевыми действиями в Лидии в ходе одной из пергамско-вифинских войн.

Господства над Вифинией после смерти Лисимаха стал добиваться Селевк, а затем – его сын Антиох I. В 280 г. до н.э. Зипойт нанес поражение селевкидскому полководцу Гермогену, вновь отстояв независимость своего царства (Memn. F. 9. 2). В том же году вифинский царь умер в возрасте 76 лет.

Политика Зипойта зачастую расценивается в историографии как решительный шаг к превращению Вифинии в эллинистическую монархию. Это верно лишь отчасти. Зипойт был скорее энергичным и предприимчивым династом прежнего, «доэллинистического» типа – постоянно враждебным к грекам, более воином, чем государственным деятелем. Он еще не чеканил своей монеты, а его градостроительная деятельность не имела большого значения; так, основанный им город Зипойтион, вероятно, был заложен в глубине вифинской территории и не сыграл в истории страны никакой роли, а сообщение Павсания (V. 12. 7) о повторном основании Зипойтом Астака не выглядит достоверным. Тенденции к переходу Вифинии на более высокий уровень государственной организации, лишь намеченные первым вифинским царем, были реально воплощены в жизнь только его преемниками.

Глава третья, «Расцвет Вифинского царства», включает в себя почти вековой период истории страны. В *первом параграфе «Утверждение Вифинского царства на международной арене при Никоমেде I и Зиэле»* рассматривается государственная деятельность второго и третьего царей Вифинии – Никомеда I и его сына Зиэла.

Начальный период царствования Никомеда (280–255 гг. до н.э.) был временем чрезвычайно опасной для молодого царства внешней и внутренней нестабильности. Чтобы отразить селевкидскую угрозу, Никомед предпринял принципиально новые для представителей вифинской династии меры, заключив союз с Антигоном Гонатом (оказавшийся кратковременным) и, что еще более важно, с так называемой «Северной лигой» в составе Византии, Гераклеи и Калхедона. Никомед даже вернул гераклеотам (правда, за значительную денежную сумму) их прежние владения (Memn. F. 9. 3–4), отторгнутые ранее его отцом. Как кажется, это вызвало недовольство консервативно настроенных кругов вифинского общества, что привело к восстанию против Никомеда. Его возглавил один из его младших братьев Зипойт, правитель Финской области (Memn. F. 9. 5).

Для борьбы с мятежниками и с войсками Антиоха I вифинский царь, находившийся в крайне сложном положении, с успехом использовал силы греческих союзников. Однако добиться окончательного решения всех проблем ему удалось только за счет смелого, но рискованного предприятия – организации переселения в Азию кельтских племен галатов. Побе-

див с их помощью Зипойта и усмирив непокорное население, Никомед избавился затем также и от угрозы со стороны внешнего врага – Антиоха (Memn. F. 11. 5; Liv. XXXVIII. 2. 19; Zosim. II. 36–37).

Период дальнейшего царствования Никомеда I расценивается Мемноном как время «блестящего благополучия» Вифинии (Memn. F. 12. 1). Главным средством, позволившим добиться этого процветания, следует считать активную филэллинскую деятельность Никомеда, включавшую в себя военно-политическое сотрудничество с Византием, Гераклеей и Киосом, установление экономических связей с эллинским миром, покровительство общегреческим культовым центрам. Никомед поддерживал также дружественные отношения с Македонией и Египтом.

Смерть Никомеда ввергла страну в тяжелую гражданскую войну. Лишенный трона по завещанию царя его сын от первого брака Зиэл с помощью галатов начал борьбу за престол против своих сводных братьев и их опекунов. Между враждующими сторонами были заключены какие-то соглашения (возможно, даже приведшие к временному разделению страны на несколько самостоятельных областей), но в дальнейшем (вероятнее всего, только в 240-х гг. до н.э.) Зиэлу удалось стать единоличным царем Вифинии (Memn. F. 14. 1–2).

Дополнительный свет на эти события может пролить новая интерпретация одного из царских писем, обнаруженных в архиве косского храма Асклепия³⁵. Имя его автора не сохранилось, но ряд обстоятельств позволяет считать таковым именно Зиэла. Предлагаемая трактовка документа позволяет сделать выводы, что в ходе борьбы со своими сводными братьями-соперниками Зиэл мог заручиться поддержкой никомедийцев (в стк. 21 надписи автор говорит о своих «согражданах»), а для закрепления своих прав на престол – жениться на своей сестре (стк. 20) в противовес браку, заключенному между братом Никомеда I и его вдовой Этазетой – матерью наследников престола (Memn. F. 14. 1–2).

В дальнейшей государственной деятельности Зиэла бесспорный приоритет отводился военным предприятиям, о которых сохранились лишь отрывочные сведения. Видимо, Зиэл пытался расширить территорию своего царства в восточном и южном направлении (Plin. NH. VI. 3. 10; Steph. Byz. s.vv.   ). Косвенные данные письменных и эпиграфических источников позволяют предположить ухудшение отношений Зиэла с Византием, Киосом и Гераклеей. Все это заставляет критически отнестись к тезису о последовательном филэллинстве Зиэла, основанием для которого служит только его письмо косцам, предоставляющее асилию храму Асклепия (Syll.³ 456). Малочисленность и плохое качество

монет Зиэла свидетельствуют о недостаточном внимании к развитию торгово-экономического потенциала страны.

Тем не менее, пятидесятилетний период правления Никомеда I и Зиэла привел к окончательному обеспечению независимости Вифинского царства и оформлению его как эллинистической монархии со всеми присущими ей институтами, играющей заметную роль в политической жизни Малой Азии и Эгеиды.

Во *втором параграфе, «Государственная деятельность Прусия I»*, анализируются многочисленные военные и дипломатические акции этого царя, сменившего на вифинском престоле ок. 230 г. до н.э. Зиэла, убитого галатскими наемниками.

В 220 г. до н.э. Прусий I в союзе с Родосом начал войну против византийцев, закрывших проход через Боспор Фракийский. Ход боевых действий складывался удачно для Вифинии, однако по договору с Византией Прусий был обязан отказаться от всех приобретений (Polyb. IV. 52. 6–9). Не исключено, что причиной этого стала жесткая позиция родосцев, не желавших резкого ослабления Византии и опасавшихся возрастания могущества Вифинии.

Основными целями политики Прусия были обеспечение контроля над близлежащими греческими городами и ослабление Пергамского царства, претендующего на гегемонию в западной Малой Азии. Для этого ему было необходимо заручиться поддержкой сильного союзника, каковым стал для него македонский царь Филипп V. Ориентация на Македонию, закрепленная брачно-династическими связями, на долгое время оставалась ведущей линией в политике Вифинии. Так, во время Первой Македонской войны Прусий оказал поддержку своему союзнику, неожиданно вторгшись на территорию враждебного Филиппу царства Атталидов (208 г. до н.э.) (Liv. XXVIII. 7. 10; Cass. Dio. F. XVIII). При заключении мира в Фенике (205 г. до н.э.) вифинский царь также значился в числе союзников Филиппа (Liv. XXIX. 12. 14).

Наибольшую выгоду из сотрудничества с Македонией Прусий извлек в 202 г. до н.э., когда при прямом содействии Филиппа им были завоеваны греческие города Киос и Мирлея (причем привлечение данных археологических и эпиграфических источников позволяет считать, что в более ранних конфликтах Вифинии с этими полисами на стороне Прусия в качестве наемников принимали участие галаты). Однако Прусий вовремя дистанцировался от своего македонского партнера, разглядев опасность открытого столкновения с Римом во Второй Македонской войне. Вифинскому царю удалось сохранить все свои завоевания; при этом он, видимо, не побоялся оказать дипломатическое противодействие сенату, требовавшему освобождения Киоса (Polyb. XVIII. 44. 5; Liv. XXXIII. 30. 4). От конфронтации с Римом в ходе Антиоховой войны Прусий, тем не

³⁵ SEG. XII. 370 = *Rigsby K. Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. №. 12.

менее, уклонился, не приняв предложения сирийского царя о союзе (190 г. до н.э.). Более того, источники сообщают о заключении дружественного соглашения между Пруссией и римлянами, гарантировавшими неприкосновенность его владений (Polyb. XXI. 11. 1–12; Liv. XXXVII. 25. 4–14; App. Syr. 23).

В конце 190-х гг. до н.э. Пруссия предпринял поход против гераклеотов, завоевав Киер и Тиос и едва не захватив саму Гераклею (Memn. F. 19. 1–3). Подчинив одни из соседних независимых полисов и серьезно ослабив другие, Пруссия смог перейти к агрессии против Пергама, которому римляне, вопреки ранее сделанному заверению, по условиям Апамейского договора (188 г. до н.э.) передали часть захваченных Вифинией территорий в Мизии и Фригии. Пергамско-вифинская война 186–183 гг. до н.э. оказалась неудачной для Пруссии: вифинцы и союзные им галаты были несколько раз разбиты пергамским царем Эвменом II и его братьями. Конец конфликту положило дипломатическое вмешательство римлян, причем имеются основания считать, что это произошло по просьбе самого Пруссии, использовавшего хорошие отношения с рядом влиятельных римских политиков – прежде всего, Фламинием и Сципионами. Вифиния понесла некоторые территориальные потери, но последствия войны не стали для нее катастрофическими.

Правление Пруссии I обоснованно расценивается в антиковедении как период наивысшего политического и экономического расцвета Вифинского царства. Четвертый вифинский царь в своей деятельности тонко сочетал различные средства и методы. Он не боялся идти на конфронтацию с греками, но в то же время не отказывался и от филэллинских акций. Умелое балансирование между Македонией, Сирией и Римом также позволило ему осуществить многие из намеченных планов. На экономике Вифинии благоприятно сказались активная градостроительная деятельность Пруссии и его монетная политика.

Четвертая глава, «Вифиния и Рим: от “дружбы и союза” к аннексии», посвящена рассмотрению заключительного периода независимого существования Вифинского царства.

В параграфе первом, «Начало и развитие кризиса: от правления Пруссии II до конца II в. до н.э.», анализируется история Вифинии в 182–149 гг. до н.э. в правление Пруссии II. Заняв престол после смерти отца, он первоначально выбрал иные политические ориентиры и оказал поддержку (хотя, видимо, и незначительную) Эвмену II в его борьбе против Фарнака Понтийского (182–179 гг. до н.э.), в результате чего сумел добиться возвращения утерянного Вифинией Тиоса (Polyb. XXV. 2. 7). Начальный период царствования Пруссии II был ознаменован поддержанием дружественных отношений с Пергамом и Этолийским союзом, однако вскоре Пруссия вновь сделал ставку на союз с Македонией, женившись на сестре

Персея Апапе (Liv. XLII. 12. 3). В ходе Третьей Македонской войны вифинский царь занимал двойственную позицию, вначале пытаясь склонить римлян к заключению мира с Персеем, а затем выступив (чисто символически) на их стороне.

В 160-х – 150-х гг. до н.э. Пруссия вел в Риме активную дипломатическую кампанию по дискредитации пергамских царей Эвмена II и Атталы II, воспользовавшись ухудшением отношения сената к Пергаму и, очевидно, опираясь на поддержку своих сторонников; в Малой Азии же он стремился приобрести популярность среди греков и галатов. При этом он не гнушался лестью и низкопоклонством перед римлянами, что породило крайне негативные оценки его как политика и человека в трудах Полибия (XXXVII. 7. 1–5) и следующих ему авторов (Liv. Per. 50; Diod. XXXI. 15. 1; App. Mithr. 2, 4; Suid. s.v. Тем не менее Пруссия, хотя и не сумел добиться с помощью Рима территориальных приобретений, подготовил надежную почву для открытой агрессии против Пергама: в начале войны 156–154 гг. до н.э. Аттал II был полностью лишен военного и дипломатического содействия со стороны как Рима, так и малоазийских монархий и полисов.

Начавшаяся весьма успешно пергамская кампания не принесла Пруссии ожидаемых стратегических результатов: он был вынужден отвести войска на свою территорию, а затем под прямым давлением римских послов пошел на заключение мира на условиях восстановления status quo ante bellum и выплаты контрибуции (Polyb. XXXIII. 13. 6; App. Mithr. 3). Такой исход войны, видимо, способствовал росту недовольства Пруссией в Вифинии. Могла ускорить падение популярности Пруссии у подданных и его противоречивая внутренняя политика: наряду с традиционным уже для династии филэллинством в ней прослеживается тенденция противоположного толка, связанная с опорой на местную аристократию. Она проявилась особенно ярко после заключения политического и династического союза между Пруссией и царем фракийцев-кенов Диэгилом. Кому-то из сыновей от дочери (или сестры) Диэгила Пруссия даже намеревался передать престол в обход своего старшего сына Никомеда (App. Mithr. 6; Just. XXXIV. 4. 1).

Все это в конечном итоге привело к выступлению Никомеда против своего отца, предпринятому при активной поддержке Атталы II и фактическом попустительстве римского сената. В 149 г. до н.э. Пруссия был свергнут и убит. Итоги его правления показали, что для вифинских царей, как и для других эллинистических правителей, любые попытки вести хоть сколько-нибудь самостоятельную политику стали сопряжены с риском навлечь на себя недовольство римлян.

В этом же параграфе собраны и проанализированы свидетельства о правлении царей Никомеда II Эпифана (149 – ок. 127 гг. до н.э.) и Нико-

меда III Эвергета (127 – ок. 94 гг. до н.э.). Оба эти правителя в течение длительного времени не пытались активно вмешиваться в ход внутрианатолийских событий, очевидно, опасаясь вызвать недовольство сената. Так, единственное упоминание о внешнеполитических предприятиях Никомеда II связано с его выступлением на стороне римлян при подавлении восстания Аристоника (133–129 гг. до н.э.), в результате чего к Вифинии, возможно, отошли некоторые территории в Мизии, как позволяют судить эпиграфические и нумизматические материалы.

В дальнейшем Никомед II не предпринимал никаких шагов на международной арене. Вся информация о его правлении связана с эпиграфическими памятниками, фиксирующими новые точки приложения филэллинской политики вифинской династии – Аксос на Крите, Афины, Кос, Приену. В это время претерпел качественные изменения сам институт монархической власти в Вифинии, о чем свидетельствуют появление датировки по годам царской эры на тетрадрахмах Никомеда II, принятие им и его преемниками почетных эпитетов, чеканка (в течение короткого времени) золотых статеров.

Никомед III в течение первых двадцати лет царствования был, как и его отец, крайне осторожен в военно-политических делах и весьма активен в покровительстве независимым греческим полисам и культовым центрам. Об этом свидетельствуют как данные эпиграфики (IG. IV. 558; IG. IV². 591; OGIS. 342; 345) так и сообщения античных авторов, например, Грания Лициниана (XXXV. 29. 3–5) и Псевдо-Скимна (GGM. I. P. 196. 2, 16–18; p. 197. 48–49, 59–60) Экономика Вифинии при Эвергете развивалась бурными темпами, на что указывают его многочисленные тетрадрахмы высокого качества.

Второй параграф, «Вифиния в борьбе Рима с Понтийским царством», начинается с рассмотрения событий 108 г. до н.э., когда, заключив союз с Митридатом VI Евпатором, царем резко усилившегося Понтийского царства, Никомед Эвергет предпринял совместный с ним поход в Пафлагонию (Just. XXXVII. 4. 3). Страна была быстро завоевана и разделена между понтийским и вифинским монархами. Рим не мог оперативно отреагировать на это нарушение политического равновесия в Малой Азии, так как его отвлекали собственные внешнеполитические проблемы. Попытка Никомеда Эвергета достичь преимущества над своим понтийским союзником (и потенциальным соперником) за счет оккупации Каппадокии, пребывавшей под понтийским влиянием, провалилась: Митридат быстро изгнал вифинцев из страны и установил в ней свое господство (Just. XXXVIII. 1. 2–5). Понесенное в Каппадокии поражение и, возможно, выплата большой контрибуции Понту тяжело сказались на финансах и хозяйстве Вифинии, что, в свою очередь, привело к массовому обращению ее населения в рабство римскими публиканами (Diod. XXXVI. 3. 1).

Экономическая зависимость Вифинии от Рима дополнялась упрочившейся зависимостью политической: пытаясь противостоять Митридату в борьбе за влияние в Каппадокии и Пафлагонии, Никомед выдвинул в качестве претендентов на престол в этих государствах своих ставленников и старался добиться признания законности их прав в сенате (Just. XXXVIII. 2. 3–4). Только благоволение Рима позволяло вифинскому царю обезопасить свои позиции. Хотя Эвергету и удалось сохранить контроль над Пафлагонией (видимо, там с согласия местной знати продолжал править один его сыновей, принявший тронное имя пафлагонских царей Пилемен), внешнеполитическое положение Вифинии к моменту его смерти было очень неустойчивым. Она фактически превратилась в буферное государство между Римом и Понтом.

Далее в диссертации освещается период правления последнего вифинского царя Никомеда IV Филопатора. Придя к власти в 95 г. до н.э., он вскоре был вынужден начать борьбу за престол со своим сводным братом Сократом Хрестом, поддержанным Митридатом Евпатором. Около 92 г. до н.э. Никомед был изгнан из страны и бежал в Рим.

Сенат, встревоженный действиями Митридата, постановил вернуть в свои царства Никомеда и каппадокийского царя Ариобарзана, тоже изгнанного понтийским владыкой. В начале 89 г. до н.э. это решение было выполнено, но положение Никомеда, задолжавшего римлянам крупные суммы денег, оставалось чрезвычайно сложным. Римские послы спровоцировали его на вторжение в Понт, что привело к началу Первой Митридатовой войны (лето 89 г. до н.э.) (App. Mithr. 11–12).

После ряда поражений Никомед и римляне были вытеснены из Вифинии. Страна была подчинена Митридатом, который, однако, не торопился окончательно интегрировать ее в состав своей державы. Поддержанию видимости независимого существования Вифинии должно было послужить продолжение эмиссий монет Никомеда, видимо, санкционированное понтийским царем (возможно, здесь играли свою роль и соображения экономической рациональности). Сообщение Мемнона (F. 25. 2) дает основания считать, что формально власть в стране была передана Митридатом представителям вифинской знати; аналогичные прецеденты ранее имели место в истории Каппадокии и Пафлагонии (Strabo. XII. 2.11; Just. XXXVIII. 2. 8).

Никомед Филопатор был возвращен на трон по условиям Дарданского мира (85 г. до н.э.) (Plut. Sull. 24; Memn. F. 25. 2; App. Mithr. 60; Gran. Lic. XXXV. 28. 6; Flor. I. 40. 12; CIG 6855d). Возможно, ему удалось сохранить некоторое влияние в Пафлагонии (Gran. Lic. XXXV. 28. 6–7), но в целом не подлежит сомнению тот факт, что последние годы его правления были отмечены кризисом во внутривластном и экономическом положении Вифинии. На это указывают постепенное снижение качества

царских тетрадрахм в 85–83 гг. и полное отсутствие их выпусков в 82–76 гг. до н.э. Логическим следствием окончательной утраты Вифинией самостоятельности стало завещание Никомедом Филопатором своего царства Риму (Eutrop. VI. 6. 1; Liv. Per. 93; Vell. Pat. II. 4. 1; App. Mithr. 71; L. Ampel. XXXIV. 3; Fest. 11; Arr. Bithyn. FGrH. 156 F. 14; Cic. De leg. agr. II. 40).

Комплексный анализ данных традиции, нумизматических и эпиграфических материалов позволяет считать наиболее надежной датой смерти Никомеда IV 74 г. до н.э.; весной следующего года вторжением понтийских войск во вновь образованную римскую провинцию Вифинию началась Третья Митридатова война.

Завещание Никомеда, несмотря на всю неоднозначность политической обстановки, в которой оно было сделано, являлось юридически вполне правомочным актом: сведения источников, при всей их отрывочности и противоречивости, все же позволяют заключить, что последний вифинский царь не имел законных наследников. Притязания на престол, предъявленные сыном его жены Нисы (Sallust. Hist. II. 71) (вероятно, его звали Ликомедом), не подкреплялись достаточными правовыми основаниями.

В пятой главе исследования, которая озаглавлена «Государственные институты Вифинского царства», предпринимается разбор сюжетов, ранее почти не привлекавших внимания исследователей. Ее *параграф 1*, «Царская власть в эллинистической Вифинии», содержит рассмотрение монархических институтов Вифинского царства, понимаемых как результат взаимодействия и синтеза нескольких политико-государственных традиций: фракийской, иранско-ахеменидской, собственно эллинистической (то есть македонской в своей основе с вкраплениями различных восточных элементов) и анатолийской. Царская власть в этом государстве анализируется в двух аспектах – статическом, то есть ее «нормальном функционировании», и динамическом – в моменты нередких в истории страны династических смут, когда конкретные политические обстоятельства вступали в противоречие с правовыми нормами, регулирующими порядок престолонаследия, и иногда вели к изменению последних.

Фракийское наследие, что вполне естественно, занимало самое важное место в государственной структуре Вифинии уже с начала ее формирования. Это нашло свое выражение в именнике первых представителей династии (вплоть до Прусия II), в приоритетном значении этнического, а не персонального, как в большинстве других эллинистических династий, компонента в конституировании единоличной власти (на что указывает

титул «царь вифинцев» в надписи Зиэла и, возможно, Никомеда IV³⁶), в появлении на монетах Никомеда I изображений фракийских божеств и в ярко выраженном военном характере вифинской монархии. Брачная политика Никомеда I и Зиэла, возможно, тоже развивалась в рамках фрако-анатолийских традиций: не исключено, что оба эти монарха женились на своих родственницах (Зиэл – даже на родной сестре).

Уже с правления Зипойта начинается первичный этап синтеза фракийских и общеэллинистических начал в институтах вифинской монархической власти. Самое показательное проявление этого – принятие Зипойтом царского титула в 297 г. до н.э. и учреждение вифинской царской эры, берущей начало в этом же году. Более активный характер данный процесс принимает в правление Никомеда I (основание новой столицы, покровительство культуре, искусствам и общегреческим святилищам), Прусия I (учреждение культа царя в основанных им городах), а в особенности Никомеда III (принятие официального тронного имени, распространение культа вифинских царей в общеэлинском масштабе).

Как весьма специфическую черту вифинской государственности можно обозначить существование в ее структуре весьма архаичных институтов (фрако-анатолийского происхождения?), выступавших на первый план во время династических смут: возможности разделения страны на несколько (полу)самостоятельных доменов, передававшихся во владение враждующим представителям царского дома, и в наличии сильной племенной аристократии, которая в критические моменты могла оказывать влияние (каким-то образом институционально оформленное?) на ход государственных дел. Они проявлялись во время войны Никомеда I против Зипойта Вифина в 279–277 гг. до н.э., в период борьбы за власть между Зиэлом и его сводными братьями в 250-х – 240-х гг. до н.э., в противостоянии между Никомедом IV Филопатором и Сократом Хрестом в 90-е – 80-е гг. до н.э.

Характерно, что побочные представители вифинского царского дома (Ликомед – видимо, сын Нисы, жены Никомеда Филопатора, а также Пилемен и Аттал – сыновья вифинского «Пилеме́на», сына Никомеда Эвергета) сохраняли определенные властные полномочия в Малой Азии и после превращения Вифинии в римскую провинцию, заняв свое место в «системе династического управления» (термин Р.Д. Салливана), которая была для Рима действенным средством поддержания контроля за состоянием внутри- и внешнеполитических дел на Востоке.

³⁶ Reynolds J. Aphrodisias and Rome. Documents from the Excavation of the Theatre at Aphrodisias Conducted by Professor Kenan T. Erım, together with some related texts / JRS, Monograph № 1. L., 1982. No 4.

В параграфе 2 пятой главы, «Греческий полис в составе Вифинской монархии», на локальном материале рассматривается принципиально важный для понимания сущности эллинистической цивилизации в целом вопрос о взаимоотношениях царей с греческими городами. Обычно исследователи, говоря о статусе эллинских общин в составе вифинского царства, ограничиваются замечанием о довольно жестком контроле центральной власти над местным самоуправлением (показателем чего служит, например, отсутствие у вифинских полисов права собственного монетного чекана), а также предполагают различие в административно-правовом положении старых греческих городов, включенных в состав царства (Киос/Прусиада-Приморская, Мирлея/Апамея, Никея, Киер/Прусиада-на-Гипии, Тиос), и городов, заново основанных самими вифинскими царями (Никомедия, Пруса-Олимпийская, Вифинион)³⁷. Однако привлечение новых материалов, прежде всего, эпиграфических и нумизматических, в том числе и римского времени, позволяет воссоздать намного более противоречивую и динамичную картину.

Прежде всего, надписи как эллинистического, так и римского периодов свидетельствуют о присутствии в составе гражданских коллективов всех вифинских полисов лишь очень небольшого числа лиц, носивших туземные имена. Это может быть понято либо как показатель слабого влияния варварского этнического окружения на антропонику греческих общин, либо как факт значительной эллинизации местного населения (если допустить, что в городах наряду с эллинами проживали и этнические вифинцы, но абсолютное большинство их носило греческие имена).

Предпринятый далее анализ градостроительной деятельности вифинских царей (а наиболее заметно проявили себя в этой сфере Никомед I и Прусий I), в ходе которого предлагается целый ряд новых решений для давно дискутируемых проблем, показывает, что они во многом ориентировались на опыт других эллинистических династий, но, помимо этого, могли предпринимать и весьма нестандартные шаги в выстраивании взаимоотношений с населением греческих общин. Речь идет, прежде всего, о действиях Зиэла в ходе гражданской войны 250-х гг. до н.э., когда им, судя по всему, было установлено нечто вроде «личной унии» с никомедийцами и, вероятно, вифинская столица получила почетное и выгодное право асильи. Одновременно целый ряд свидетельств указывает на то, что в вифинских полисах имелась своего рода «моральная оппозиция» царской власти, проявлявшаяся в «подспудном» существовании в Никее местной эры, начало которой было связано освобождением города из-под

контроля Лисимаха (счет лет по ней помещен на монетах Никеи и других вифинских городов в 60-х – 40-х до н.э.), в употреблении в надписях гражданами Прусиады-Приморской и Апамеи прежних полисоименов, в частом появлении старых названий городов, переименованных вифинскими монархами (Киос и Мирлея), в письменной традиции и в возвращении этих исторических названий в римское время. В Вифинионе, Прусиаде-на-Гипии и Прусиаде-Приморской, между тем, существовал культ Прусия I, почитавшегося как основатель названных городов.

Вся эта информация, едва ли укладываемая в какую-то жесткую схему, наглядно демонстрирует, что политика вифинских монархов в отношении подчиненных им греческих общин носила довольно гибкий характер и вполне отвечала требованиям времени, хотя порой связи «монархия – полис» в Вифинии осложнялись неблагоприятным историческим наследием – сохранявшимися на протяжении многих столетий по преимуществу враждебными отношениями между вифинцами и их греческими соседями и, как результат, насильственным характером включения многих полисов в состав Вифинского царства.

По обоим параграфам пятой главы рассредоточен также относительно немногочисленный материал, связанный с проблемами социально-экономического развития и административного устройства Вифинского царства.

В целом же материал этой части диссертации со всей определенностью свидетельствует, что в государственной организации Вифинского царства наличествовало немало принципиально важных элементов, которые могут быть убедительно трактованы только как вкрапления фрако-анатолийской этнополитической традиции в политическую практику, в той или иной мере общую для всех эллинистических монархий.

В наиболее объемной **шестой главе** работы, «**Опыт реконструкции династической истории в рамках АЭК**», систематизируется и обобщается обширный источниковый материал, наглядно демонстрирующий как «двуединный» характер царской власти в малоазийских монархиях, так и общность некоторых важных политико-правовых институтов, функционирование которых объединяло государства АЭК между собой и в той или иной степени дистанцировало их от других эллинистических держав. *Параграф 1, «Династическая история Каппадокийской монархии: царский дом Ариаратидов»*, посвящен малоисследованным вопросам о генеалогии этой династии и особенностях института монархической власти в Каппадокии. В результате анализа информации Диодора о происхождении Ариаратидов (XXXI. 19. 1–9) в параграфе делается вывод о во многом фиктивном характере этого родословия, что объясняется его пропагандистским предназначением: прокламируя свое происхождение от

³⁷ Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 155; Vitucci G. Op. cit. P. 123.

Ахеменидов, Ариаратиды лишней раз доказывали законность собственных прав властвовать в Каппадокии.

После гибели Ариарата I в борьбе с Пердиккой и Эвменом его сыну Ариарату II, бежавшему в Армению, удалось вернуть отеческий престол (до 301 г. до н.э.), но официальное признание каппадокийской династии произошло только ок. 260 г. до н.э. в результате женитьбы наследника престола, будущего царя Ариарата III, на представительнице царского рода Селевкидов, что даже положило начало новому «отсчету лет царского статуса» (подробнее об этом говорится в следующем параграфе).

Особенно интересную информацию дает рассмотрение династического кризиса рубежа 160-х – 150-х гг. до н.э., когда молодой царь Ариарат V был свергнут и изгнан узурпатором Ороферном, а впоследствии вернул себе власть. Этот конфликт, известный как по сочинениям античных историков, так и по надписям и монетам, проливает свет на механизмы возникновения в Каппадокии династических кризисов, осложненных внешним вмешательством. Представляется явно не случайным, что во 2-й пол. II в. до н.э., после упадка политической мощи Селевкидов, каппадокийский царский дом в своей брачно-династической политике переориентируется на соседние государства – Пергам, Понт, Вифинию. Неустойчивость практики престолонаследия и порожденные ею частые династические смуты ослабляли Каппадокию во внутри- и внешнеполитическом отношении и способствовали усилению в ней влияния других держав, прежде всего, Понтийского царства: в частности, последние представители династии Ариаратидов были устранены в результате интриг Митридата Евпатора.

К числу специфических особенностей каппадокийской монархии следует отнести частые случаи соправительства и передачи власти наследнику престола еще при живом царе (Diod. XXXI. 19. 3; 6; Just. XXIX. 1. 4; Val. Max. V. 2 – последний случай относится уже к представителям династии Ариобарзанидов), а также существование определенных властных полномочий у «народа каппадокийцев», т.е. местной знати (Strabo. XII. 2. 11; Just. XXXVII. 1. 15; XXXVIII. 5. 9). Таким образом, материал данного параграфа указывает на существование в структуре монархической власти в Каппадокии целого ряда специфических черт, восходящих, скорее всего, к местным иранско-анатолийским политическим традициям.

В параграфе 2 данной главы, «Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным “Хронографии” Георгия Синкелла», анализируется информация источника византийского времени (IX в.), данные которого обычно считаются крайне ненадежными и противоречивыми. Историки, в частности, отрицают ценность данных Синкелла о том, что власть восьми вифинских и десяти понтийских царей прекратилась одновременно по решению Августа в 22 или 14 г. до н.э. (Р. 378. 30–32

Mosshammer), и, помимо этого, что период правления понтийского царского дома составил 218 (Р. 333. 17–18), а вифинского – 213 лет (Р. 332. 4–5).

Тем не менее, анализ генеалогии этих династий позволяет установить, что последними (девятым и десятым, по Синкеллу) Митридатидами могут считаться два малоизвестных персонажа: дочь Митридата VI Орсобарис (App. Mithr. 117) и Ородалтис, рожденная, скорее всего, в браке Орсобарис с Ликомедом (Sallust. Hist. II. 71 Maurenbrecher; App. Mithr. 121; Bell. Alex. LXI. 2. 2; Strabo. XIII. 3. 8; Dio. Cass. LI. 2) – побочным представителем вифинского царского дома, домогавшимся престола в 74 г. до н.э. и бывшим позднее верховным жрецом в Комане. При этом Синкелл не причисляет Ликомеда и Ородалтис к вифинским царям, но включает предположительную длительность их правления в период существования династии (вероятно, тут сказываются противоречия в используемых им источниках). Орсобарис и Ородалтис правили и чеканили монету в Киосе/Прусиаде-Приморской. Правление Ородалтис могло быть прекращено в 22 г. до н.э. в ходе административных преобразований, проведенных в этом году в Малой Азии М. Випсанием Агриппой в ходе его восточной миссии.

Добавив названные выше числа, 218 и 213 лет, к 22 г. до н.э., получаем 240 г. до н.э. как «начало» (по Синкеллу) понтийской и 235 г. до н.э. – вифинской династии. С большой вероятностью, именно в эти годы состоялись браки Митридата II Понтийского с сестрой Селевка II (Лаодикой?) (Porphyr. FGrH 260. F 32. 6 = Euseb. Chron. I. P. 251 Schoene) и дочери Зиэла Вифинского с Антиохом Гиераксом (Porphyr. FGrH 260 F. 32. 8 = Euseb. Chron. I. P. 251 Schoene) соответственно. То обстоятельство, что установление династических связей с Селевкидами могло инициировать начало отсчета «лет царского статуса» в малоазийских монархиях, доказывается примером Каппадокийского царства, где, согласно Синкеллу, правило семь царей в течение 160 лет (Р. 523. 6). Антиковеды практически единодушны во мнении, что начальным пунктом этого периода является женитьба тогдашнего наследника каппадокийского престола, будущего Ариарата III (ок. 230–220 гг. до н.э.) на дочери (или, что выглядит гораздо более вероятным, сестре³⁸) Антиоха II Теоса Стратонике ок. 260 г. до н.э. (Diod. XXXI. 19. 6; Euseb. Chron. I. P. 251 Schoene). Не исключено даже, что и начало правления пергамских Атталидов, помещаемое Синкеллом (Р. 368. 16–17; правда, здесь необходима некоторая корректировка цифровых данных) на 283 г. до н.э., может быть результатом женитьбы в этом году племянника Филетера Атталы на селевкидской

³⁸ Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. О некоторых загадках династической истории эллинистических государств // Studia historica. Вып. 5. М., 2005. С. 51–67.

принцессе Антиохиде (Strabo. XIII. 4. 2) (однако все-таки более обоснованной выглядит несколько более поздняя дата заключения этого альянса). Но в любом случае выглядит весьма вероятным, что именно частично селевкидское происхождение Аттала I (который родился в этом браке) позволило ему объявить себя царем после победы над галатами в 241 г. до н.э., что было невозможно для его предшественника Эвмена I, который ок. 262 г. до н.э. разбил Антиоха I (получив, казалось бы, идеальный повод к провозглашению царем), но не принадлежал изначально к политической элите македонского происхождения.

Все эти факты позволяют заключить, что установление матримониальных связей с Селевкидами стало чрезвычайно важным средством, которое помогло царям государств АЭК поставить себя на один уровень в политико-юридическом отношении с властителями великих эллинистических держав. Эта правовая норма, общая для трех малоазийских монархий и каким-то образом отраженная в традиции (возможно, придворной историографии), видимо, и послужила основой для информации Синкелла.

В параграфе 3 «Понтийская царская эра: старые проблемы и новые возможности реконструкции» предлагается принципиально новое решение давно дискутируемого в науке вопроса о том, какая система летоисчисления была в ходу в Понтийском царстве Митридатидов в IV-I вв. до н.э. В данной части работы обосновывается гипотеза, согласно которой в Понте использовалась созданная по селевкидскому образцу царская эра, берущая начало в 315 или 314 г. до н.э. и связанная с бегством Митридата I Ктиса, сына Ариобарзана, в пафлагонскую местность Кимиатену и утверждением его в этой области, ставшей «ядром» будущего царства. Отсчет лет по этой системе, очевидно, был введен им «задним числом» в 297/296 г. до н.э., когда он, видимо, вслед за Зипойтом Вифинским принял царский титул, руководствуясь соображениями династического престижа (на это могут указывать уникальные монеты третьего года царствования в Каппадокии Ариарата IX – сына Митридата Евпатора – датированные 200-м годом и представляющие собой, видимо, своеобразный «юбилейный выпуск», посвященный двухсотлетию коронации Ктиса). В этом случае от 297/296 г. до н.э. следует отсчитывать и 36-летний период правления Митридата I (Diod. XX. 111. 4).

Вполне возможным выглядит использование «эры Кимиатены» и в двух известнейших эпиграфических памятниках, содержащих датировки: договоре Фарнака I Понтийского с Херсонесом (IOSPE I² 402) и декрете из Абонутейха в честь стратега Алкима (правление Митридата V Эвергета). В этом случае они придутся на 158–157 и 154–153 гг. до н.э. соответственно, тогда как прежние их датировки и интерпретации выглядят далеко не удовлетворительными. В частности, наиболее распространенная

датировка понтийско-херсонесского договора, 179 г. до н.э., кажется сомнительной, поскольку она довольно слабо соответствует сложившейся на тот момент международной обстановке (Фарнак, терпевший неудачи в войне против Пергама, Вифинии и Каппадокии, едва ли мог быть выгодным партнером для херсонеситов, а упоминание в тексте договора дружбы с римлянами как неперемного условия поддержания дружественных отношений между Понтом и Херсонесом представляется малопонятным, поскольку Рим в начале 170-х гг. до н.э. еще не оказывал существенного влияния на положение дел в черноморском регионе). В этой связи высказывается и аргументируется критика предположений, сделанных первоиздателем херсонесского документа Р.Х. Лепером и С.Ю. Сапрыкиным об использовании в этом договоре неких эр, берущих начало в 336 г. до н.э.³⁹, а также отвергается распространившаяся в западной науке в последние десятилетия идея о применении в обеих этих надписях селевкидской эры, поскольку в этом случае получается, что в Понте вообще никогда не существовало собственной «автохтонной» системы летоисчисления. На основании анализа нарративных, эпиграфических и нумизматических источников в этом параграфе делается вывод, что правление Митридата IV Филопатора Филадельфа продолжалось в течение всего лишь около 4 лет и вполне может уложиться в указанный хронологический промежуток (тем самым уточняется время пребывания у власти четырех понтийских монархов – Митридатов I, IV и V и Фарнака I).

Только начиная с 96/95 г. до н.э. в Понтийском царстве начала использоваться заимствованная из Вифинии царская эра. Введение датировки по ней на монетах Митридата VI Евпатора было связано со смертью в этом же году вифинского царя Никомеда III Эвергета и должно было обозначать активные политические претензии Евпатора на подчинение соседнего государства, вскоре им успешно реализованные.

Эта же тема развивается в параграфе 4 «О летоисчислении на Боспоре в правление Митридата VI Евпатора». Здесь выдвигается гипотеза о возможности передатировки декрета совета и народа Фанагории относительно предоставления гражданских прав и ряда привилегий наемникам в царствование Митридата Евпатора. Надпись датирована 210 годом, что связывалось с употреблением в ней вифинско-понтийской царской эры, берущей начало в 297/6 г. до н.э.; в этом случае время выполнения документа придется на 88/7 г. до н.э. Исходя из такого временного и событийного контекста, связанного с начальным периодом Первой Митридатовой

³⁹ Лепер Р.Х. Херсонесские надписи // Известия Археологической комиссии. 1912. Вып. 45. С. 23–39; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 29–34.

войны, надпись была проанализирована ее первоиздателем Ю.Г. Виноградовым⁴⁰.

Однако активная и самостоятельная деятельность полисных органов самоуправления в Фанагории в это время выглядит несколько сомнительной в свете нумизматических материалов Боспора (появления так называемых анонимных оболов, связываемых с наместническим чеканом, которые датируются, по данным последних исследований, временем не позже 90 г. до н.э.⁴¹), сообщений античных авторов об антимитридатском восстании на Боспоре в 80-е гг. до н.э. (App. Mithr. 24), а также вновь обнаруженной строительной надписи из Ольвии, датированной 220 г. виф. э., в которой упоминается царский стратег и градоначальник⁴². Имеется и целый ряд других обстоятельств, позволяющих усомниться в датировке декрета именно 87 г. до н.э. (в частности, она довольно плохо соответствует военно-политической ситуации, связанной с ходом Первой Митридатовой войны).

Исходя из этого, выдвигается предположение об использовании и в этом документе «эры Кимиатены», которая, как доказывалось выше, была в ходу в Понтийском царстве вплоть до введения Митридатом VI Евпатором во всей его державе вифинско-понтийской системы летосчисления. В этом случае надпись будет датироваться ок. 105–103 гг. до н.э., т.е. временем вскоре после войны со скифами Савмака (за заслуги в которой наемникам и могло быть даровано гражданство). Такое допущение позволяет, как кажется, разрешить целый ряд спорных вопросов, остававшихся при прежней трактовке декрета, но ранее не привлекавших специального внимания (относительность эпиграфических аналогий, приводимых первоиздателем надписи, сомнения в адекватности политических и экономических причин, которые, по мнению Ю.Г. Виноградова, вызвали к жизни появление документа, и т.д.).

Новая трактовка фанагорийской надписи позволяет уточнить некоторые немаловажные аспекты политики Митридата Евпатора по отношению к греческим полисам бассейна Черного моря, а также демонстрирует те пути, которыми политико-правовые институты монархий АЭК могли распространяться и на другие государства эллинистического мира и восприниматься в них.

⁴⁰ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 14–33; Vinogradov Ju. G., Wörle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. Bd. 22. S. 159–170.

⁴¹ Дюков Ю.Л., Смекалова Т.Н. О наиболее раннем применении латуни и «чистой» меди в эллинистической чеканке государств Причерноморья и Малой Азии // Вестник древней истории. 2000. № 1. С. 78.

⁴² Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 67–73.

В заключении подводятся итоги работы и делаются основные выводы. Государства АЭК, будучи неотъемлемой частью эллинистического мира, обладали в то же время целым рядом ярко выраженных особенностей, наиболее наглядно проявлявшихся в сфере организации государственной власти. В них при отсутствии или кратковременности греко-македонского завоевания «удельный вес» местных иранско-анатолийских элементов был гораздо более значительным, чем в тех государствах, которые возглавили македонские династии. Понятно, что в государствах АЭК иным был состав правящего этно-класса, в состав которого входили как греки и македоняне, так и представители местной элиты, и, соответственно, отношения между греко-македонянами и коренным населением в них не могли строиться в рамках жесткой дихотомии «завоеватели – покоренные». Отличным от общеэллинистических образцов стало и положение греческих полисов в составе малоазийских монархий. Многие из греческих общин были захвачены царями Вифинии и Понта силой, и, поскольку они не играли для монархов роли «точек опоры» в поддержании контроля над местным населением (как это было, к примеру, в государстве Селевкидов), то и политика центральной власти по отношению к полисам нередко сочетала в себе как традиционные для всех эллинистических монархий «благодеяния», так и меры, направленные на ограничение полисного самоуправления.

Сам институт монархии в государствах АЭК представлял собой результат сложного синтеза греко-македонских и азиатских традиций. В Понте и Каппадокии цари делали ставку на подчеркивание своих связей (реальных или фиктивных) с Ахеменидами, и иранское наследие занимало важное место в их пропаганде и государственной идеологии. Отчасти сходная ситуация сложилась и в Вифинии. В порядке престолонаследия, в системе легитимации власти, в брачно-династической политике, династических культах государств АЭК может быть обнаружено значительное количество сходных правовых институтов и норм, объяснить которые возможно только их автохтонным восточным происхождением. Вместе с тем, представители правящих домов государств АЭК заимствовали многие важные элементы из политической практики великих держав: царскую титулатуру, династические эры, филэллинскую политику и градостроительную деятельность, но нередко наполняли их новым содержанием (что отчетливо видно на примере принятия царского титула, утверждения вифинской и понтийской царской эры, системы «отсчета лет царского статуса», реконструируемой по данным Синкелла, и др.). Это, наряду с дипломатическими контактами и установлением матримониальных связей, позволило государствам АЭК добиться равного формального статуса с Селевкидами, Антигонидами и Птолемеями.

Уступая великим эллинистическим державам по численности населения, военному и экономическому потенциалу, политическому авторитету, малые монархии Анатолии, тем не менее, занимали немаловажное место в межгосударственных отношениях III–I вв. до н.э. В раннеэллинистическую эпоху правители складывающихся государственных объединений Малой Азии были вынуждены отстаивать свою независимость от македонских завоевателей с оружием в руках, но в дальнейшем, после достижения реальной самостоятельности, их цари, как правило, избегали открытой конфронтации с более сильными державами, отдавая приоритет дипломатии. Другими характерными чертами внешней политики государств АЭК следует считать наиболее тесные отношения между собой, борьбу за выход на ведущие позиции в регионе, стремление сочетать филэллинские действия с силовыми акциями в отношении независимых греческих полисов. А во II в. до н.э., после гибели или ослабления великих эллинистических держав, малые монархии начинают играть все более и более значительную роль на международной арене.

Все вышесказанное дает возможность констатировать, что малоазиатский вариант эллинизма, представленный государствами АЭК, характеризовался сочетанием в приблизительно равных пропорциях западных и восточных начал (прежде всего, в сфере государственности), и это позволяет определить его как зону уравновешенного эллинистического синтеза. Взаимодействие этносов, культур, политических традиций носило в эллинистической Малой Азии глубокий и органичный характер, и это порой могло содействовать превращению царств «второго эшелона» в протагонистов системы межгосударственных отношений эллинистическо-римской ойкумены (как это произошло с Понтийским царством при Митридате Евпаторе), а также обеспечивало значительную устойчивость и внутреннюю прочность государств АЭК. В отличие от великих эллинистических держав, в малых монархиях Анатолии из-за их территориальной компактности не столь остро стояла проблема сепаратизма отдельных областей, а совпадение (по большей части) этнической принадлежности правящей верхушки и основной части населения страны сводило к минимуму возможность восстаний против правящей династии и господствующего этно-класса (яркие примеры чего дает история государств Селевкидов и Птолемеев).

Не стоит игнорировать то обстоятельство, что некоторые из государств АЭК прекратили свое независимое существование значительно позже общепризнанной даты окончания эпохи эллинизма, 30 г. до н.э. (Галатия – в 25 г. до н.э., Каппадокия – в 17 г. н.э., Птолемидский Понт – в 64 г. до н.э.), и в I в. н.э. они вместе с Киликией, Коммагеной, Арменией, Боспором составляли единый комплекс дружественных и зависимых от Рима государств Востока, объединенных брачно-династическими аль-

янсами, оставаясь, вместе с тем, типично эллинистическими царствами. Это позволяет поставить вопрос о возможном пересмотре и уточнении хронологических и географических границ эллинизма, понимаемого как конкретно-историческое явление.

В **приложении** приводятся генеалогические таблицы вифинского и каппадокийского (в правление рода Ариаратидов) царского домов. В них учтены все прямые и побочные представители обеих династий, существование которых прослеживается на основе хотя бы единичных упоминаний в источниках; указаны уточненные даты пребывания у власти тех или иных правителей, занимавших вифинский и каппадокийский престолы, годы смерти ряда представителей династий, предположительные даты заключения наиболее важных брачно-династических альянсов. Все это позволяет воссоздать гораздо более подробные и детализированные родословия двух малоазиатских царских домов, чем это делалось в историографии ранее.

* * *

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монография

1. *Габелко О.Л.* История Вифинского царства / О.Л. Габелко. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. 576 с. (30,2 п.л.).

Учебно-методическое пособие

2. *Габелко О.Л.* Особенности историко-культурного развития малых эллинистических монархий. Программа спецкурса / О.Л. Габелко // Проблемы истории и историографии докапиталистических обществ. Специальные курсы кафедры истории древнего мира и средних веков: программы, методические указания и литература. Казань, 2003. С. 29–38 (0,5 п.л.).

Статьи

3. *Габелко О.Л.* Этнический и социальные аспекты психологии вифинского общества в эллинистическую эпоху (Попытка реконструкции) / О.Л. Габелко // Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции. М., 1993. С. 60–68 (0,5 п.л.).

4. *Габелко О.Л.* Внешняя политика Вифинского царства (Теория и методы изучения) / О.Л. Габелко // Методология и методика изучения античного мира. Доклады конференции. М., 1994. С. 54–61 (0,5 п.л.).

5. Габелко О.Л. Мемнон об истории Вифинского царства / О.Л. Габелко // Античный вестник. Вып. 2. Омск, 1995. С. 108–115 (0,5 п.л.).

6. Габелко О.Л. Некоторые особенности царской власти в Вифинии (К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинистических традиций) / О.Л. Габелко // Вестник древней истории. М., 1995. № 3. С. 161–172 (1,1 п.л.).

7. Габелко О.Л. История Вифинского царства в зеркале историографии / О.Л. Габелко // Античный мир и его судьбы в последующие века. Доклады конференции. М., 1996. С. 140–149 (0,6 п.л.).

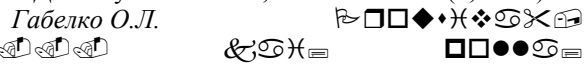
8. Габелко О.Л. Фрако-вифинское население в полисах побережья Пропонтиды и северо-западной Малой Азии / О.Л. Габелко // История и культура античного мира. Отв. ред. В.П. Яйленко. М., 1996. С. 159–174 (1,1 п.л.).

9. Габелко О.Л. Два сюжета из военно-политической истории Малой Азии в III в. до н.э. / О.Л. Габелко // Античность и средневековые Европы. Межвузовский сборник. Отв. ред. А.В. Колобов. Пермь, 1996. С. 112–121 (0,6 п.л.).

10. Gabelko O.L. Zur Lokalisierung und Chronologie der Asiatischen Besitzungen von Byzanz / O.L. Gabelko // Orbis Terrarum. №. 2. Stuttgart, 1996. S. 121–128 (0,5 п.л.).

11. Габелко О.Л. Дионисий Византийский о некоторых событиях политической истории региона Боспора Фракийского / О.Л. Габелко // Античность: история и историки. Межвузовский сборник. Отв. ред. В.Д. Жигунин. Казань, 1997. С. 34–39 (0,4 п.л.).

12. Габелко О.Л. Конфликт Родоса и Вифинии с Византием в освещении Полибия / О.Л. Габелко // Античность: миры и образы. Межвузовский сборник. Отв. ред. В.Д. Жигунин. Казань, 1997. С. 26–32 (0,4 п.л.).

13. Габелко О.Л. (Memn. FGrH 434 F. 19. 1): один эпизод из политической деятельности четвертого царя Вифинии / О.Л. Габелко // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2. Ч. 1. Москва; Магнитогорск, 1997. С. 212–217 (0,4 п.л.).

14. Габелко О.Л. К династической истории Вифинского царства / О.Л. Габелко // Власть и общество в античном мире. Доклады конференции. М., 1997. С. 209–221 (0,8 п.л.).

15. Габелко О.Л. Статус Вифинии в составе державы Митридата VI в 88–85 гг. до н.э. / О.Л. Габелко // Античность: события и исследователи. Межвузовский сборник / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 1999. С. 90–94 (0,4 п.л.).

16. Габелко О.Л. Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект / О.Л. Габелко // Вестник древней истории. М., 1999. № 2. С. 114–126 (1,3 п.л.).

17. Габелко О.Л. К генеалогии эллинистических царских династий / О.Л. Габелко // Античность: эпоха и люди. Межвузовский сборник / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2000. С. 51–61 (0,7 п.л.).

18. Габелко О.Л. Введение / О.Л. Габелко // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 1 / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2000. С. 8–12 (0,3 п.л.).

19. Габелко О.Л. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война / О.Л. Габелко // Там же. С. 226–248 (1,4 п.л.).

20. Габелко О.Л. Некоторые проблемы мегарской колонизации (о монографии: Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции. Мегара и мегарские колонии. СПб., 1999) / Высокий М.Ф., Габелко О.Л. // Античность: общество и идеи. Межвузовский сборник / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2001. С. 20–45 (1,4 п.л. Авт. вклад – 0,7 п.л.).

21. Габелко О.Л. Датировка и историческая интерпретация надгробия вифинца Менаса / О.Л. Габелко // Studia historica. Вып. 1. М., 2001. С. 45–62 (1,2 п.л.).

22. Gabelko O.L. Corrigendum ad IK 7. II. 3 / Gabelko O.L., Vinogradov Ju.G. // Epigraphica Anatolica. Bonn, 2001. Ht. 33. S. 111–112 (0,1 п.л. Авт. вклад – 0,05 п.л.).

23. Габелко О.Л. Введение / О.Л. Габелко // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Учебно-методический комплекс. Ч. 2. Хрестоматия / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2002. С. 5–7 (0,2 п.л.).

24. Габелко О.Л. Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии / О.Л. Габелко // Там же. С. 141–179 (2,5 п.л.).

25. Габелко О.Л. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды / О.Л. Габелко // Studia historica. Вып. 2. М., 2002. С. 97–106 (0,7 п.л.).

26. Габелко О.Л. О злокозненности Лукиана, или Несколько реплик о колесницах азиатских кельтов / О.Л. Габелко // Studia historica. Вып. 3. М., 2003. С. 74–82 (0,6 п.л.).

27. Габелко О.Л. Владимир Данилович Жигунин – исследователь эллинизма / О.Л. Габелко // Историки в поиске новых смыслов. Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань, 7–9 октября 2003 г. Казань, 2003. С. 27–36 (0,8 п.л.).

28. Габелко О.Л. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре / О.Л. Габелко, А.А. Завойкин // Боспорский феномен: Проблемы датиров-

ки и хронологии памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 74–81 (0,7 п.л. Авт. вклад – 0,4 а.л.).

29. Габелко О.Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла / О.Л. Габелко // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 86–106 (2 п.л.).

30. Габелко О.Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства / О.Л. Габелко // *Вестник древней истории*. М., 2005. № 3. С. 128–157 (2,5 п.л.).

31. Габелко О.Л. О некоторых загадках династической истории эллинистических государств / О.Л. Габелко, Ю.Н. Кузьмин // *Studia historica*. Вып. 5. М., 2005. С. 51–67 (1,1 п.л. Авт. вклад – 0,6 п.л.).

32. Габелко О.Л. «Оракул Фаэннис» (Zosim. II. 36–37) и переход галатов в Азию / О.Л. Габелко, Л.Л. Селиванова // *Античная цивилизация и варвары* / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 210–239 (2,5 п.л. Авт. вклад – 2 п.л.).

33. Gabelko O.L. “Phaennis’ Oracle” (Zosim. II. 36–37) and the Galatians’ Passage to Asia Minor / O.L. Gabelko // “Troianer sind wir gewesen” – Migrationen in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 8, 2002 Hrsg. v. E. Olshausen und H. Sonnabend / *Geographica Historica*. Band 21. Stuttgart, 2006. P. 211–228 (2,1 п.л.).

34. Габелко О.Л. О летоисчислении на Боспоре в правление Митридата VI Евпатора / О.Л. Габелко // *Древности Боспора*. Вып. 10. М., 2006. С. 122–143 (1,8 п.л.).

35. Габелко О.Л. Историческая интерпретация некоторых малоазийских надгробных stel с изображением батальных сцен / О.Л. Габелко // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире / Отв. ред. А.В. Махлаюк. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2006. С. 96–108 (1,1 п.л.).

Тезисы докладов

36. Габелко О.Л. Взаимоотношения Вифинского царства с независимыми греческими полисами в начале эпохи эллинизма / О.Л. Габелко // *Античная история и современная историография*. Материалы межвузовской конференции. Казань, 1991. С. 47–48 (0,1 п.л.).

37. Габелко О.Л. К истории взаимоотношений Вифинского царства с независимыми греческими полисами (IV–III вв. до н. э.) / О.Л. Габелко // *Среда, личность, общество*. Доклады конференции. М., 1992. С. 151–152 (0,1 п.л.).

38. Габелко О.Л. Изучение истории Вифинского царства болгарскими историками / О.Л. Габелко // *III Дриновские чтения*. Проблемы источ-

никоведения, историографии, истории и культуры Болгарии. Тезисы докладов. 25–27 октября 1994 г. Харьков, 1994. С. 11–12 (0,1 п.л.).

39. Габелко О.Л. Международные отношения в эллинистической Малой Азии как предмет системного анализа / О.Л. Габелко // *Новые подходы в отечественной и всеобщей истории*. Материалы конференции молодых ученых-историков Татарстана. Тезисы докладов. Казань, 1996. С. 46 (0,1 п.л.).

40. Gabelko O.L. The Thraco-Bithynian Population in the Cities of the Propontis Coast / O.L. Gabelko // *The Thracian World on the Crossroads of Civilization*. Reports and Summaries of the 7-th International Congress of Thracology. Bucharest, 1996. P. 368–369.

41. Gabelko O.L. Aims, Ways, and Methods of Control over the Thracian Bosphoros (VII – I Cent. BC) / O.L. Gabelko // *Abstracts of the II-nd International Pontic Congress*. Ankara, 2001. P. 47–48 (0,1 п.л.).

42. Габелко О.Л. Царская власть в раннеэллинистической Малой Азии: истоки, сущность, правовое обоснование / О.Л. Габелко // *Античность в современном измерении*. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 2001. С. 33–36 (0,2 п.л.).

43. Габелко О.Л. «Проконсульская» эра и положение полисов Вифинии в эллинистический и римский периоды / О.Л. Габелко // *Жебелевские чтения – III*. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года. СПб., 2001. С. 111–116 (0,2 п.л.).

44. Габелко О.Л. Вторичная колонизация Боспора Фракийского / О.Л. Габелко // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века*. Резюме докладов XI Международной научной конференции (31 мая – 5 июня 2003 г.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 15 (0,1 п.л.).

45. Габелко О.Л. Договор Фарнака Понтийского с Херсонесом: обстоятельства заключения и датировка (взгляд со стороны) / О.Л. Габелко // *Проблемы истории и археологии Украины*. Материалы V Международной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Харьков, 2004. С. 54–55 (0,1 п.л.).

46. Габелко О.Л. Новые данные о вифинских личных именах / О.Л. Габелко // *Thracians and Circumpontic World*. Summaries of the IX-th International Congress of Thracology (Chişinău – Vadul lui Vodă, 6–11 Sept. 2004). Chişinău, 2004. С. 135–136 (0,1 п.л.).

47. Gabelko O.L. Greeks and Barbarians on the Thracian Bosphoros: from the Archaic to the Hellenistic Period / O.L. Gabelko // *10-th International Congress of Thracology*. Komotini – Alexandroupoli, 18–23 October 2005. Abstracts. Athens, 2005. P. 98 (0,1 п.л.).

48. Габелко О.Л. Акция воцарения в эллинистическом мире: анализ терминологии / О.Л. Габелко // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научной конференции, Казань, 5–7 октября 2006 г. / Отв. ред. Л.П. Репина. Казань, 2006. С. 398–401 (0,2 п.л.).

Другие публикации

49. Габелко О.Л. Орозий о Митридатových войнах / Перевод с латинского и комментарий / Габелко О.Л., Короленков А.В., Смыков Е.В. // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 218–234 (1,5 п.л. Авт. вклад – 0,5 п.л.).

50. Габелко О.Л. [Рец. на кн.:] *Strobel K. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien. B., 1996* / О.Л. Габелко, А.Б. Максимова // Там же. С. 322–329 (0,6 п.л. Авт. вклад – 0,5 п.л.).

51. Габелко О.Л. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога “*Historia Philippicae*” / Комментарий / М.Ф. Высокий, О.Л. Габелко, А.В. Короленков, Е.Ю. Лебедева. М., 2006 (33,6 п.л. Авт. вклад – 3 п.л.).

Отпечатано с готового оригинал-макета
в множительном центре Института истории АН РТ

Подписано в печать 13. 11. 2006 г.
Тираж 150 экз. Формат 60x84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Объем 2,8 п.л.

Казань, Кремль, подъезд 5